

К. Ө. ЖАКОВЪ.

ГАРАМОРТЪ НА КРАЙНЕМЪ СЪВЕРЪ.

Цѣна 30 коп.
въ переплетѣ ц. 45 коп.

ИЗДАНИЕ И. К. БОРИСОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

„Электропечатня“ П. Г. Келлева, Пет. ст., Большой пр., 16.

1914.

„СКВОЗЬ СТРОЙ ЖИЗНИ“

IV.

1.

К. Θ. ЖАКОВЪ.

ТРАМОРТЬ НА КРАЙНЕМЪ СЪВЕРЪ.

Издание К. Н. Борисова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

„Электропечатня“ П. Г. Келлеева, Пет. стор., Большой пр., 16.

1914.

Содержаніе III тома

„СКВОЗЬ СТРОЙ ЖИЗНИ“

	Стр.
Гарамортъ преподаватель	5
Экзаменъ Гараморта	13
Небо	19
Размышленія Гараморта	20
Гарамортъ въ женскомъ пансіонѣ	25
Гарамортъ преподаватель въ гимназіи	34
Какъ праздникъ проводилъ Гарамортъ и о чемъ думалъ онъ	46
Совѣтъ звѣрей	58
Бесѣда Гараморта съ тѣнями древнихъ мудрецовъ о томъ, какъ жить на свѣтѣ	65
Я собираюсь въ Сибирь	72
Череповецъ	74
Екатериинбургъ	84
Челябинскъ	86
Черезъ Курганъ къ Омску	88
Омскъ	91
Бѣлый старикъ	93
Къ Красноярску	94
Въ Красноярскѣ	96
Въ Иркутскѣ	99
О томъ, какъ читалъ свои лекціи Гарамортъ въ богатомъ го- родѣ Иркутскѣ	100
г. Чита	105
По дорогѣ въ Харбинъ	109
Городъ Харбинъ	112
Черезъ Никольскъ-Уссурійскъ, Хабаровскъ и Владивостокъ въ Японію	117
Гарамортъ на Японскомъ морѣ	123
Гарамортъ странствуетъ по Японіи	127
Православная миссія въ Японіи	137
Японецъ Хигучи	139
Наша дальнѣйшая жизнь въ Японіи	143
Японка горничная	144
Нашъ отъѣздъ изъ Токио	145
Отъѣздъ изъ Японіи	146
Разлука съ Кузьмичемъ въ Харбинѣ	148
г. Томскъ	149
Снова въ Петербургъ	150
Исповѣдь Гараморта	151

I.

Въ Архангельскѣ.

Холодно въ Архангельскѣ, но чувствуется, что это единственный центръ на сѣверѣ, гдѣ какая-то мысль работаетъ, кругомъ на безконечномъ пространствѣ разсѣяны маленькіе деревни и городки, правда кое-гдѣ имѣются крупныя центры, какъ Ижма, гдѣ около 20 деревень и селъ скучены вмѣстѣ, но это очень далеко отсюда. Такъ размышлялъ я, Гарамортъ, не зная ни того, сколько получу я съ лекцій, а иныхъ доходовъ у меня нѣтъ, ни того, какой дорогой отправиться мнѣ къ самоѣдамъ.

Въ ожиданіи всего великаго живу я здѣсь. Жажду я видѣть полночное солнце, темно-синія волны океана, зеленые льды и зарю багряную за ними.

Увидавъ все это, предамся слезамъ я объ утраченной юности народовъ, также съ цѣлью выплакать все горе міровое, которое гнѣздится въ моей груди, и ничѣмъ, ничѣмъ не могу я выгнать его, это горе неизбывное.

Прочту три лекціи архангельцамъ, и 19-го іюня сяду на морской пароходъ и отправлюсь на Мезень.

Прибылъ я сюда, странникъ міра, въ дождливый день не имѣя средствъ, и остановился на краю моря.

Когда паровозъ несъ меня сюда изъ Вологды, всю дорогу глядѣлъ я на лѣса мои милые, на рѣдкія сосны и лиственницы, на сумрачныя ели и свѣтлыя, зеленыя березы. И воображалъ я себя охотникомъ съ ружьемъ за плечами, и душа оживлялась моя, озябшая въ холодѣ большого города, гдѣ съежилась, непонимаемая никѣмъ, моя простая крестьянская душа.

Здѣсь же выпрямила она крылья и оживилась вся.

И вотъ теперь я въ Архангельскѣ, и обдумываю дальнѣйшее странствіе мое по сѣверу.

Хотя трудна моя жизнь въ прошломъ и въ настоящемъ, но спокойна душа моя...

Мнѣ ужъ снятся брызги волнъ океана, и какъ бы вижу глазами нѣмые берега невиданныхъ острововъ. И въ ушахъ уже звучить самоѣдскій языкъ. Кстати сказать, завтра придетъ ко мнѣ одинъ самоѣдъ съ матерью, и будутъ рассказывать мнѣ слова и сказки самоѣдскія. Давече уже былъ этотъ самоѣдъ съ японскимъ лицомъ и сказалъ мнѣ: «Мы уже слышали, что пріѣхалъ нашъ зырянскій баринъ, и вотъ я пришелъ». Самоѣдъ это говорилъ по зырянски, а по самоѣдски не умѣлъ, мать же его старуха и по самоѣдски знаетъ.

Зырянскій языкъ звучитъ отъ Камы до Ледовитаго моря,

Послѣ самоѣда пришелъ ко мнѣ нѣкто Шехановъ и удивилъ меня своими рассказами. Сынъ крестьянина Владимирской губерніи подросткомъ попалъ онъ въ Англію, выучился тамъ мореходному дѣлу, путешествовалъ въ Австраліи и въ Америкѣ, былъ и на сѣверѣ, на Шпицбергенѣ, потомъ вернулся въ Россію, поступилъ матросомъ на парусное судно, такъ какъ иностранные дипломы у насъ не берутся въ расчетъ. Упалъ съ мачты, ушибся, и до сихъ поръ нездоровъ.

Шеханову сейчасъ 29 лѣтъ. Онъ объѣхалъ шаръ земной, хотѣлъ добратся черезъ сѣверъ Россіи и Сибири до Владивостока пѣшкомъ, но нездоровье удержало его въ Архангельскѣ, гдѣ онъ сейчасъ сотрудничаетъ въ «Сѣверномъ Утрѣ» зарабатывая 12 р. въ мѣсяцъ. Онъ обращался къ ученымъ, къ книгоиздателямъ, чтобы напечатали его сочиненія, но не встрѣтилъ довѣрія и сочувствія. Книгоиздатели ему говорили:

— Гдѣ вы учились?

— Нигдѣ.

— Тогда ваши сочиненія ни къ чему. Если бы вы были профессоромъ, иное бы дѣло, разговоръ былъ бы другой. А такъ чтожъ? Можетъ быть вы все выдумали.

«Я плакалъ при этихъ словахъ», рассказывалъ далѣе Шехановъ, «а потомъ сжегъ всѣ свои бумаги. А тамъ были слова «Майори» новозеландцевъ, и майайскія и др. Все сжегъ съ горя. И вотъ теперь другой разъ пишу, и думаю къ чему все это. Если ученыхъ и знаменитостей не читаютъ въ наше время, то къ чему мои писанія».

Какъ трудно жить на землѣ, особенно въ Россіи. Въ Вологдѣ оставилъ я одного поэта, который просится въ канцелярію къ намъ, а здѣсь встрѣчаю путешественника, сомнѣвающегося въ значеніи совершеннаго имъ. Можно совершить великое, и не примутъ, скажутъ: «вы не имѣли права на великое». Имѣя все это ввиду, задумался я глубоко, какъ мнѣ жить.

Можетъ быть мнѣ слѣдовало прекратить всѣ мои странствія, никому ненужныя писанія, философствованіе, для покоя людского. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ все это? Это не полезно и многихъ огорчаетъ.

Да, прекращу и я когда—нибудь всѣ стремленія свои, вотъ еще похожу съ посохомъ среди русскаго народа по Россіи, опишу и нужды и думы, потомъ буду отшельникомъ, наблюдающимъ сводъ небесный можетъ быть на небѣ увижу я планету, на которой живутъ справедливыя существа, мудрыя, благомыслящія, гостепріимныя.

Не успѣлъ уйти Шехановъ, какъ зашелъ ко мнѣ редакторъ «Сѣвернаго Утра». Я сталъ говорить ему про Шеханова, много путешествовавшаго по землѣ.

— Бѣда большая отъ этихъ людей, отвѣтилъ мнѣ редакторъ: Богъ вѣсть, что о себѣ думаютъ они, а на самомъ дѣлѣ безграмотны.

Я далъ ему отдѣлъ вести «хроникера», и что вы думаете, такъ напишетъ, что не знаешь—пожаръ ли былъ, курицу ли продали на базарѣ. Онъ не въ состояніи написать ничего изъ дѣйствительности (а редакторамъ дорога вѣдь только дѣйствительность. Факты, факты давайте намъ!)

— Потому что это его не интересуетъ, возразилъ я редактору, а онъ человѣкъ любопытный и полезный. Въ лицѣ его я лишній разъ увидѣлъ, что мужикъ идетъ въ литературу и въ науку.

— Не знаю, говоритъ онъ о себѣ, какъ о замечательномъ человѣкѣ. «Я знакомъ съ тѣмъ, я знакомъ съ другимъ», а тутъ безграмотность. Мы было отправили его путешествовать въ Сибирь, а онъ вернулся съ Холмогоръ.

Самъ по себѣ редакторъ «Сѣвернаго Утра» очень любезный человѣкъ и даровитый, но онъ говорилъ подобно всѣмъ редакторамъ и профессорамъ. Послѣдніе же поступаютъ такъ. Дадутъ даровитому чело-

вѣку «отдѣлъ хроникера» въ наукѣ, или въ литературѣ. Даровитый человѣкъ обыкновенно не эрудитъ (то удѣлъ среднихъ), и вотъ онъ не знаетъ того, что ему не нужно для творчества... Про него и говорятъ: «гдѣ же ему великое, онъ мелочей даже не знаетъ». А если даровитый человѣкъ кое-что смыслить и въ мелочахъ про него скажутъ: «только мелочи и знаетъ».

О Богъ мой! Какъ будемъ жить на свѣтѣ дальше? Также и про меня говорятъ ученые мужи. «Гарамортъ даже мелочей не знаетъ, издаетъ небольшія книжки безъ цитатъ, безъ алфавитныхъ указателей... Все Америки открываетъ»... Бѣда большая людямъ, которые выше или ниже среднихъ людей. Они не умѣютъ низко кланяться, не глядятъ въ глаза ученому съ умиленіемъ, когда этотъ ученый развиваетъ осмысленную чепуху...

А большей частью ученые развиваютъ осмысленную чепуху, ибо если бы они развивали истинныя мнѣнія, то, такъ какъ число книгъ, написанныхъ ими невѣроятно велико, то мы давно бы узнали истину, а этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ... Да и истиной они не дорожатъ: «намъ, знаете, важна не истина, а связное изложеніе, уснащенное именами и цитатами, начиная съ Адама, или еще раньше»...

Да, имъ нужна осмысленная чепуха, изложенная академическимъ языкомъ... «Языкъ знаете хорошъ, ученый. И все цитаты и цитаты, и подстрочники, и указатель, нигдѣ своихъ мыслей. Объективность. Да, книга очень цѣнна, справочникъ можно сказать».

«О времена, о нравы!» древніе восклицали. Я ужъ ничего не стану восклицать... Только спрошу: «господа, вы пишете объемистыя книги, все справочники о справочникахъ; и ваши книги читаете вы сами же, и больше никто. Скажите, на какомъ основаніи го-

ните вы даровитыхъ, и по какому праву живете на счетъ народа, которому вы вовсе не нужны?» «Синклитъ святой академикомъ» вовсе не нуженъ народу. Лабораторіи и обсерваторіи нужно устроить въ селахъ и деревняхъ. Оставить нужно литературный цинизмъ большихъ городовъ, и развивать поэзію чистую и простую.

Богъ мой поможетъ мнѣ, давъ мнѣ долготѣіе, работать на этомъ поприщѣ, онъ спасетъ меня отъ тоски и скуки, и отъ дикихъ страстей, и направитъ меня, сына народа—къ свѣтлому грядущему— къ наукѣ народной, къ поэзіи Аполлона...

Въ такихъ размышленіяхъ прошла короткая, свѣтло-румяная ночь въ Архангельскѣ, и солнце взошло... Посвятивъ разнымъ занятіямъ божественное утро, вышелъ я изъ гостиницы, и въ воротахъ встрѣтилъ старуху. Она шла ко мнѣ, въ сопровожденіи сына и внучатъ.

Это была самоѣдка.

Она была стара, но отъ ея угасающаго духа все еще вѣяло величіемъ первобытной простоты и цѣльности характера. Я чуть не заплакалъ, увидавъ ее. О красота некультурныхъ народовъ, не оторвавшихся отъ почвы своей, не покинувшихъ ни зеленыхъ травъ по берегамъ рѣкъ, ни лѣсовъ дремучихъ, всегда глядѣвшихъ въ синюю даль горизонта и въ вѣчно спокойное лицо высокаго неба!

Самоѣдка, ея сынъ и внучата вошли въ мою комнату. Я усадилъ на стулъ старуху, и долго на нее глядѣлъ...

— Сколько тебѣ лѣтъ, спросилъ я.

— Девяносто. Стала уставать, и мало уже работаю...

— Это твои внучата?

— Да. А вотъ сынъ мой старшій. Ему 29 лѣтъ.

— Сколько же тебѣ было лѣтъ, когда ты его родила.

— Лѣтъ шестьдесятъ.

Только ты зачѣмъ по русски говоришь, говори по зырянски.

Я сталъ говорить по зырянски. Самоѣдка отвѣчала мнѣ на ижемскомъ говорѣ, какъ природная зырянка.

— Давно ли овдовѣла?

Тутъ она задумалась, отирая лицо платкомъ отъ пота, потому что на улицѣ было очень жарко, и она пришла ко мнѣ по солнцу.

— Да лѣтъ сорокъ, какъ овдовѣла...

— А долго ли жила съ мужемъ.

— Долго. Тоже должно быть лѣтъ сорокъ...

Боже мой! подумалъ я, удивляясь числамъ годовъ, которыми опредѣляла она періоды своей жизни...

— Я съ мужемъ хорошо жила много дѣтей было, потомъ померли. Мужъ былъ промышленный чело-вѣкъ... Въ тундру ли пойдетъ—серебро принесетъ, въ лѣса ли пойдетъ—золото притащить, вотъ какой былъ...

— А ты сама чѣмъ занималась...

— Я тоже въ тундрахъ лѣтъ двадцать жила, за оленями ходила... Охъ! много видала я.

Послѣ этихъ словъ, я, чтобы собраться съ мыслями, закурилъ папироску...

Вдругъ старуха заговорила не своимъ голосомъ: «зачѣмъ курить, брось, брось»...

Я бросилъ папироску...

— Что это такое, спросилъ я, удивленный другимъ голосомъ, высокимъ, дѣтскимъ, между тѣмъ

обычный голосъ старухи былъ низкій, приближающійся къ мужскому.

— Во мнѣ живетъ другая хозяйка, отвѣтила самоѣдка...

И рассказала мнѣ объ этой хозяйкѣ.

«Я спала разъ въ молодости въ холодной, пустой горницѣ на Ижмѣ. И вдругъ во снѣ почувствовала, что холодное вошло въ ротъ мнѣ и пошло во внутренности...

И вотъ новая хозяйка стала жить во мнѣ съ тѣхъ поръ, и сердится иногда, недовольная или пищей, или питьемъ, и не любитъ табачнаго дыма».

— А ты куришь, спросилъ я взрослого сына.

— Нѣтъ, отвѣтилъ тотъ: мать убьетъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ разговоровъ мы перешли къ дѣлу. Я спросилъ старуху, знаетъ ли она самоѣдскій языкъ; она отвѣтила, что знаетъ, но потребовала 1 р. за часъ занятій. Однако уговорились на полтинникѣ.

Я сталъ спрашивать у нея самоѣдскія слова. Языкъ оказался особый, очень далекій отъ извѣстныхъ мнѣ языковъ, все же съ теченіемъ времени открылъ я слѣды родства его съ угрофинскими языками. По окончаніи нашихъ занятій я сталъ разсматривать картины, нарисованныя сыномъ старухи Соболевой (самоѣдки), и приобрѣлъ у него «село Ижму»: красивые, разноцвѣтные дома, а между ними богато-украшенная, какъ невѣста, церковь.

На другой день ко мнѣ пришелъ самоѣдъ Выуци съ женой своей Латони. Онъ былъ бѣднякъ и, повидимому, проводилъ время въ пьянствѣ, но хорошо зналъ самоѣдскій языкъ. Онъ отвѣчалъ на мои вопросы о жизни самоѣдовъ на Канинскомъ полуост-

ровѣ, сообщилъ мнѣ много словъ и оборотовъ самоѣдскаго языка. Въ концѣ бесѣды разсказалъ сказку о трехъ братьяхъ, изъ которыхъ старшіе были умные а младшій былъ глупый. Не успѣлъ еще Бобриковъ (русская фамилія самоѣдина) уйти, какъ пришла моя старуха, самоѣдка Соболева. Она стала бранить Бобрикова, называя его пьяницей и лѣнтяемъ и болтуномъ. Ясно было, что возникала борьба, конкуренцій въ заработкѣ. Я отвѣтилъ старухѣ, чтобы она не беспокоилась: «я и тебѣ дамъ полтинникъ».

Такъ начались занятія мои съ самоѣдами, о жизни ихъ плачевной я разскажу ниже. Я часто встрѣчалъ Выуци на улицѣ просящимъ милостыню, и часто навеселѣ. Старуха же жила богато, потому что сыновья ея торговали оленьими башмаками и туфлями.

Сейчасъ хочу поговорить я о неудачникахъ, которыхъ встрѣтилъ въ изобиліи вообще на сѣверѣ, и въ частности въ Архангельскѣ. Эти неудачники—продуктъ малаго развитія общественности и отсутствія просвѣщенія на сѣверѣ.

Недавно у меня былъ зырянинъ Поповъ, и разсказывалъ, что всю весну таскалъ мѣшки на пристани за 70 коп. поденщины, а затѣмъ запьянствовалъ между тѣмъ былъ онъ псаломщикомъ въ свое время, былъ женатъ, но овдовѣлъ и опустился.

«Годъ трезвъ, а затѣмъ полгода пьянствую. По зимамъ живу въ Соловецкомъ монастырѣ. Но тамъ скука смертная. Мужики — все. Всѣ монахи изъ мужиковъ, не съ кѣмъ словомъ перемолвиться. Весной съ первымъ парходомъ пріѣзжаю въ Архангельскъ, и здѣсь нажитые за зиму 100 руб. пропиваю въ одинъ мѣсяцъ, оставшись безъ гроша задумываюсь и берусь за работу на пристаняхъ до осени.

Вотъ такъ и живу. А уже мнѣ 45 лѣтъ».

— Вамъ бы уѣхать въ Ижму, заняться оленеводствомъ.

— Гдѣ же! возразилъ онъ. Для этого надо капиталъ имѣть. Нѣтъ, я думаю, снова жениться, и вновь поступить въ псаломщики.

Много разъ былъ этотъ человѣкъ у меня, и все былъ пьянъ, и каждый разъ просилъ денегъ, чтобы уѣхать въ Устьысольскъ. Приносилъ мнѣ свои проповѣди, изложенныя въ тетрадкахъ; онъ будто бы читалъ ихъ въ монастырѣ.

Да, передо мной неудачникъ...

Онъ не привыкъ ни къ промышленному труду, ни къ крестьянскому; онъ какъ бы и интеллигентъ, но не имѣетъ должныхъ знаній, и ни къ чему не можетъ примкнуть, да и мало разнообразія общественныхъ формъ на сѣверѣ, гдѣ можно было бы что либо выбрать.

Скажутъ, твой землякъ полуинтеллигентъ, оттого и растерялся въ жизни. А вотъ другой человѣкъ заходилъ ко мнѣ, инженеръ, образованный человѣкъ, голова его кишитъ практическими проектами.

Онъ зашелъ ко мнѣ и заявилъ: «Гарамортъ—вы поэтъ. И вы побѣдили меня. Раньше я полагалъ, что я васъ сильнѣе, и ошибся, вы все идете къ своимъ цѣлямъ, а я разбитъ, усталъ. Окончательно усталъ. Теперь, меня больше ничто не интересуетъ: ни трамвай въ Архангельскѣ, ни бѣломорская дорога, ни общество взаимнаго кредита. Я усталъ, я разбитъ, я возненавидѣлъ людей, а вы идете, вы побѣдили».

Почему онъ усталъ, почему разбитъ, онъ—сдѣлавшій многое для сѣвера?

Мало взаимной поддержки, мало общественности на великомъ сѣверѣ, и идутъ всѣ вразсыпную по

всѣмъ дорогамъ, и гибнуть сильные люди въ одиночествѣ своемъ. И земляки мои, выдвинувшіеся въ жизни мало думаютъ о народѣ. Проѣздомъ изъ Соловецкаго монастыря посѣтилъ меня зырянинъ—инспекторъ народныхъ училищъ Чистопольскаго уѣзда. Разговорились мы съ нимъ...

— Почему думаете мало о народѣ, отчего ничего не переводите на зырянскій языкъ, спросилъ я его.

Онъ расхохотался... и потомъ добавилъ:

Мало времени.

— Отчего не живете вы въ Устьсысольскомъ уѣздѣ.

— Я корни пустилъ въ Чистопольскомъ... Тамъ—дачи, знаете... Но всетаки, такъ и быть, что-нибудь переведу изъ Толстого на зырянскій языкъ...

Послѣ этого землякъ мой ушелъ поспѣшно на пароходъ. Да, у всѣхъ свои личныя дѣла, и всѣ бѣгутъ, высматривая добычу, а потомъ жалуются, что жизнь прошла даромъ...

А гдѣ общественные интересы? Кто вѣдаетъ дѣла народныхъ?

Да, куда то всѣ бѣгутъ, только одинъ я, Гарамортъ, не спѣшу никуда, ибо рѣшился быть бѣднякомъ, созерцателемъ жизни, зато никакіе удары судьбы не могутъ сдѣлать меня несчастнымъ и неудачникомъ. А на сѣверѣ много неудачниковъ. Такъ одинъ у меня былъ человѣкъ и растрогалъ душу мою своимъ разсказомъ. Онъ учился въ Берлинѣ, хотѣлъ быть ученымъ. Потомъ увлекся сѣверомъ, участвовалъ въ экспедиціяхъ... Наконецъ, ему поручили побывать на Шпицбергенѣ... Но онъ не могъ этого сдѣлать, ибо въ октябрѣ только выѣхалъ въ море.

Вѣтры и волны выбросили его пароходъ на берегъ Норвегіи, гдѣ заключили его въ тюрьму. Когда опять

вернулся онъ въ Россію, люди сильные міра сего, недовольные его неудачей, не узнавали его...

И вотъ онъ теперь безъ мѣста и не у дѣлъ...

И многое множество трагедій увидалъ я на сѣверѣ.

Виновато отсутствіе общественности и взаимной поддержки... Но есть лѣкарство и для неудачниковъ— созерцаніе природы. Ничего нѣтъ краше солнца на небѣ, и луны на голубомъ сводѣ. Какъ прекрасны чередованія утра, дня, вечера и ночи; а какъ удивительны смѣны временъ года... Въ волшебномъ жилищѣ мы живемъ у нашего творца..

Достаточно человѣку, утомленному душой, предаться созерцанію и удивленію передъ таинственностью природы, хотя бы на полгода, чтобы снова помолодѣла душа...

И отдохнувъ такимъ образомъ, можно опять кинуться въ бой съ препятствіями для жизни.

Да, а мнѣ бы слѣдовало гдѣ-нибудь на Канинскомъ полуостровѣ поселиться, и жить среди самоѣдовъ, научая ихъ всему тому, что я самъ знаю...

Сдѣлаю, сдѣлаю это я въ концѣ жизни моей. И тамъ живя, удлиню я дни свои.

Еще долженъ я сказать нѣсколько словъ объ одномъ моемъ старомъ товарищѣ, прежде, чѣмъ перейти къ описанію моего отъѣзда изъ Архангельска.

Въ субботу былъ я у Николая Левицкаго, который былъ семинаристомъ въ то время, когда я въ Вологдѣ жилъ у огордника Якова Козлова. Мы съ нимъ постоянно еще въ шахматы играли. Потомъ онъ, по окончаніи курса ученія, былъ священникомъ въ «Усть-Усѣ», затѣмъ въ Устьцыльмѣ и еще гдѣ-то. Вернувшись снова на Печору, онъ ослѣпъ (отчего, неизвѣстно).

Когда мы съ нимъ теперь встрѣтились и поцѣловались, какъ старые друзья, онъ первымъ дѣломъ сталъ жаловаться на своего сына.

— Лѣнтяй и неспособный ни къ чему, а думаетъ тоже о самостоятельности. Какая тутъ самостоятельность, когда ничего не знаетъ и безграмотенъ... Трудно безграмотному быть самостоятельнымъ...

Такъ заговорилъ мой прежній другъ, сидя въ сторонѣ и понутивъ голову. Я дивился переменѣ его. Черноглазая, еще хорошо сохранившаяся, жена его стала возражать ему, защищая сына...

Въ свою очередь высказавъ кой-какія сужденія о воспитаніи, я перешелъ къ вопросу о томъ, какъ отецъ Николай жилъ на Печорѣ, и спросилъ его, былъ ли онъ въ тундрѣ. Онъ все рассказалъ мнѣ и оживилъ мою душу, вызвавъ въ ней величавыя картины простой жизни, къ которой я, увы, повидимому болѣе уже не способенъ.

— Когда я туда, въ Усть-Усу, пріѣхалъ (такъ говорилъ Левицкій) и сталъ служить обѣдню, и на клиросѣ начали пѣть, то весь народъ всталъ на колѣни. А когда я сталъ послѣ обѣдни проповѣдь говорить, народъ подошелъ ко мнѣ, и многіе цѣловали мнѣ руку.

Тамъ школу завелъ я и бралъ обучать дѣтей по звуковому методу. До меня же учителемъ у нихъ былъ отставной солдатъ, который училъ ихъ по псалтырю.

Ученики зубрили каждое слово. Я сталъ говорить, что м да а будетъ «ма». Солдатъ ворчалъ: «какъ это м да а будетъ ма?»

Долго рассказывалъ мнѣ Левицкій свои скитанія по сѣверу и по тундрамъ. Поздно вечеромъ ушелъ я отъ него, обнявъ и поцѣловалъ его на прощанье,

грустя о томъ, что я не могу дать ему зрѣнія. Слабъ еще человѣкъ, не примѣнился онъ еще къ природѣ, не знаетъ всѣхъ секретовъ ея, чтобы быть блаженнымъ на землѣ.

На другой день рано утромъ зашелъ ко мнѣ Павелъ Никифоровичъ Широкій, сѣдой мужикъ, и заявилъ, что онъ знаетъ самоѣдскій языкъ, и что женатъ онъ на самоѣдкѣ.

— У васъ дѣти есть?

— Есть. Одинъ сынъ. Другой умеръ. Я могу поѣхать съ вами. На карбасѣ поѣдемъ, нагрузивши его, по морю до Устья-рѣки. На этой рѣкѣ живетъ самоѣдинъ Пылайко. У него чумъ, домъ и амбары. Самоѣдки вѣдь не могутъ жить въ домѣ, а всегда въ чумѣ.

Широкій просилъ съ меня за все полтора ста руб. Такъ какъ у меня денегъ не было, я отказался отъ плѣнительнаго путешествія.

II.

Изъ Архангельска въ Мезень.

Можешь ли сказать, Гарамортъ, куда ѣдешь ты и зачѣмъ.

Куда ѣду я, объ этомъ могу сказать, приблизительно, но зачѣмъ я ѣду, это выше моего пониманія. Тотъ, кто ведетъ меня за руку, знаетъ, конечно, куда ведетъ. Я же вижу итоги только безумныхъ дѣлъ моихъ.

Въ Архангельскѣ послѣ лекціи я все дѣлалъ, чтобы не имѣть возможности выѣхать изъ города,

но Онъ посадилъ меня на пароходъ и вотъ я їду. Сѣли мы съ товарищемъ Ивановымъ и съ Вацуро въ первый классъ, который предоставили намъ даромъ, какъ изслѣдователямъ сѣвера. Пароходъ былъ нагруженъ до нельзя товарами и людьми. Послѣ третьяго свистка онъ вздрогнулъ, сдвинулся съ мѣста и тихо поплылъ внизъ по Двинѣ.

Синяя рѣка была украшена лѣсомъ мачтъ судовъ и трубами пароходовъ. По правому берегу мимо насъ тихо пошелъ бѣлый городъ. Этотъ бѣлый городъ давно снился мнѣ, еще въ годы моей жизни въ Кіевѣ. «Бѣлый городъ на берегу великой рѣки, впадающей волнами въ холодное море»... Вотъ теперь вижу свой сонъ наяву.

Сады и остроконечная кирка за садами: это нѣмецкая часть города. Вскорѣ увидали мы разбросанные тамъ и сямъ дома, какъ въ селѣ; это Соломбала.

Солнце было на небѣ, и намъ было весело. Дни веселы и безконечны лѣтомъ на сѣверѣ, за то несны румяныя ночи. Я проводилъ ихъ въ Архангельскѣ безъ сна. Но теперь я былъ бодръ на пароходѣ, полной грудью дышалъ влажнымъ воздухомъ.

Черезъ часъ їзды пошли лѣсопильные заводы по обѣимъ сторонамъ рѣки.

Иностранцы — хозяева ихъ. Мнѣ стало грустно, когда глядѣлъ я на безконечные плоты бревенъ, приплывшихъ сюда вмѣстѣ съ зырянами изъ глубины далекой Вычегды. Зачѣмъ? Развѣ не привольно тамъ было этимъ соснамъ на пармахъ дремучихъ, на куполообразныхъ холмахъ? А зырянамъ развѣ нѣтъ дѣла около пашень и луговъ, что плаваютъ они по рѣкамъ въ лѣтнее время?

Какая-то чудовищная машина хватала эти бревна, какъ птица клювомъ червячковъ, и поднимала ихъ высоко на скалы, и укладывала ихъ рядами, друзей дѣтства моего...

Какія-то постройки поднимались тутъ и тамъ. Видно здѣсь пилятъ бревна, и тесъ отправляютъ за границу по волнамъ бесплодно-соленого моря. Вдоль берега стояли пароходы и корабли иностранные, закованные въ желѣзо. Они возили мои сосны, которыми нѣкогда любовался я, бродя вдоль темныхъ ручьевъ въ дебряхъ густыхъ. Разсердился бы я на эти желѣзные пароходы, на которыхъ Робинзоны Крузо въ курткахъ и въ шляпахъ возятъ единственное богатство сѣвера, еслибы не зналъ, какъ много дохода получаютъ изъ лѣсу и казна, и кулаки, и богачи, и кое-что мужики за свою тяжелую работу. Но знаю я это, и думаю, какъ выйти изъ положенія, чтобы не сырьемъ продавать намъ богатства свои. Архангельская губернія живетъ треской и лѣсами, а Вычегода лѣсомъ, охотой и отчасти земледѣліемъ.

Черезъ два часа, не успѣлъ я со своимъ товарищемъ сыграть всѣхъ нѣсенъ на гармоникѣ, которую купилъ въ Архангельскѣ, какъ рѣка внезапно расширилась, миновавъ острова, и мы попали въ морскую губу.

[О Гарамортъ, Гарамортъ! странникъ міра! гляди на водныя пространства и любуйся синевой небесъ надъ ними, ибо кромѣ этого ничего не дано тебѣ въ этомъ мірѣ. Ночное солнце можетъ быть увижу я сегодня, а если не сегодня, такъ другой разъ.

Мое дѣло—маленькое: проповѣдуя о Богѣ моемъ, странствовать по землѣ, безъ лукавства, съ наивностью ребенка описывая все видѣнное и слышанное... Такъ создамъ я сказку всемірную.] ·

Съ одной стороны берега исчезли, съ другой—вижу ихъ.

Вижу также мели по правой сторонѣ. Вонъ дома тамъ четырехскатные на берегу: кто-то живетъ тоже тамъ, можетъ быть, великій сказочникъ, неизвѣстный міру.

Уже 9 часовъ вечера, а солнце скользитъ надъ моремъ. Часамъ къ 11 и 12 спустится оно въ море на половину, и, почувствовавъ холодъ его, покачавшись на волнахъ студеныхъ, снова тихо поднимется, какъ лебедь бѣлый надъ зелеными тундрами.

Да, мы уже въ морѣ. Лѣваго берега не видно болѣе, а правый все тянется вдоль горизонта. Отдаленные холмы синѣютъ вдаль, поверхность ихъ шероховата; холмы покрыты лѣсами.

Опять я на морѣ.

Въ прошломъ году былъ на Японскомъ, теперь на Бѣломъ, Богъ мой водить меня по землѣ, изглаживаетъ беззаконія мои.

Смотрю съ парохода на сѣверную полуокружную равнину, надъ которой солнце сіяетъ, и на южную синюю, и дивлюсь красотѣ моря, слегка волнующегося, какъ бы тая въ груди своей бурныя страсти, но не давая имъ воли. Море подобно эпическому писателю, который медленно выражаетъ глубоко взволнованную душу свою, не спѣшитъ, не восклицаетъ, а рисуетъ, какъ бы играя, картину за картиной, одну величавѣе другой...

Гарамортъ, учись ты у моря выражать думы свои тяжелыя, не спѣши, и не медли, но пусть во время слетаетъ слово твое съ острія золотого пера твоего, (ибо морю подобна душа твоя). Прислушиваюсь къ

музыкѣ волнъ, ударяющихся о бортъ парохода, какая величественная музыка! Душа уходитъ въ глубь синевы и моря и неба, и нервы успокаиваются мои, и раны заживаютъ души моей. Дымъ стелется надъ моремъ длинной гривой какого-то чудеснаго морского коня, на хребтѣ котораго мы сидимъ. Мѣрно бьется сердце этого коня, и быстро мчится онъ по синимъ волнамъ, устали не вѣдая. Благодарю, благодарю тебя, творецъ міра, что отъ моря и до моря носишь ты меня по выпуклой груди земли, отъ Чернаго къ Балтійскому, отъ Восточнаго къ Бѣлому...

Смотрю вдаль, гдѣ какъ бы двѣ лодки плывутъ. То пароходъ Буркова, этого сѣвернаго морского волка. Изъ ничего, благодаря энергіи своей, создалъ онъ морское пароходство.

Стою на палубѣ. Любуюсь спокойствіемъ мужиковъ и бабъ, сидящихъ на мѣшкахъ и корзинахъ.

Ихъ мирныя рѣчи вторятъ музыкѣ моря. Слышу также веселый смѣхъ товарищей моихъ: студента Иванова и Вацура. Они въ шахматы играютъ. Видно Вацура сдѣлалъ смѣшной ходъ.

Мнѣ очень нравится плавать по морямъ. Не отдать ли всю жизнь гладкой, выпуклой поверхности океановъ, въ созерцаніи синихъ горизонтовъ провести остатокъ дней моихъ? Это можетъ быть лучше было бы, чѣмъ спорить съ философами, или нарушать пищевареніе ученыхъ своими новыми сопоставленіями языковъ.

Отовсюду открытое море передъ нами. Налѣво, говорятъ, Терскій берегъ. Китоловное судно встрѣтилось намъ, и китъ около него съ вонзившимся въ

него гарпуномъ. Китъ быстро мчался, иногда погружаясь въ воду, и тащилъ бурно за собою пароходъ. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на морского богатыря. Долго ли не устанетъ онъ тащить за собою китолововъ. Не знаю, все скрылось за горизонтомъ... Кругомъ долго еще говорили о китѣ, пока капитанъ не разъяснилъ намъ, что китъ былъ только въ нашемъ воображеніи, а на самомъ же дѣлѣ плыло обыкновенное рыбацкое судно, и больше ничего...

Диво, люди склонны ошибаться на морѣ такъ же, какъ и на сушѣ. Въ жизни тоже ложно видимъ мы разныхъ китовъ, будто бы тянущихъ за собою судно исторіи...

И облыжно все это говорятъ: какъ создается исторія, повидимому, никто не знаетъ.

Да, сѣверъ оживляется, и въ будущемъ обѣщаетъ быть великой страной. Въ послѣдніе десять лѣтъ (съ проведеніемъ желѣзной дороги) населеніе Архангельска удвоилось, и квартиры вздорожали вдвое. Развивается и самосознаніе, къ радости моей. «Не переселеніе, а разселеніе туземцевъ намъ нужно, повышенія культуры края», такъ говорятъ сѣверяне... Это да буди и буди.

Вотъ остановились мы около мѣстечка Койда, въ верстѣ отъ берега. Хотя ни селъ, ни деревень не видно, къ намъ подъѣхали два баркаса, полные мужиковъ и бабъ. Они сильно и быстро работали веслами. Привезли пассажировъ, взяли мѣшки съ мукой отъ парохода.

Я созерцалъ безлѣсные, дикіе берега, довольно высокіе, скаты ихъ къ морю покрыты были снѣгами, которые разстаютъ, говорятъ, только къ августу. Да, земля велика, хотя я думалъ, на основаніи от-

влеченныхъ цифръ, что мала она. Человѣку даже при долголѣтней жизни не удастся рассмотретьъ всѣ углы ея...

Прекрасно жилище наше, только жить мы не умѣемъ.

Спутникъ мой, г. Знаменскій, рассказывалъ мнѣ о «Новой Землѣ». Она покрыта на сѣверѣ высокими горами, на нихъ не тающіе снѣга, но есть мѣста, гдѣ сплошь растутъ цвѣты пестрыми коврами. Тамъ живутъ друзья мои, самоѣды. Годовъ 30 тому назадъ самоѣдинъ Эрбогоръ принесъ въ жертву дѣвицу богамъ въ благодарность за то, что боги привели къ окошку его хижины бѣлаго медвѣдя. Эрбогоръ былъ сосланъ за это въ каторжныя работы. Европейцы постоянно вмѣшиваются не въ свои дѣла...

Ахъ, желалъ бы я побывать на пестрыхъ коврахъ цвѣтовъ на Новой Землѣ, посмотреть на коричневые горы ея, послушать сказки новыя неслыханныя дотоль... Но думы и заботы великія удерживаютъ меня отъ дальнихъ странствій... Много дѣтей у меня на сѣверѣ, какъ я собираю ихъ подъ крышу одного великаго міровоззрѣнія, какъ передамъ имъ вдохновеніе свое и любовь къ жизни справедливой и къ языкамъ первобытнымъ, какъ научу я ихъ стоять на своихъ ногахъ и твердой поступью идти къ совершенству... Заботы великія наполняютъ душу мою во всѣ дни мои...

Трупъ на Новой Землѣ, зарытый глубже аршина не портится тѣмъ болѣе, если положить человѣка въ стеклянный гробъ (такъ говорилъ мнѣ дальше Знаменскій). Не завѣщать ли мнѣ себя похоронить на Новой Землѣ, чтобы не умереть ни тѣломъ, ни душою.

О горе, горе мнѣ! Удалился я отъ дѣтей моихъ, отъ тѣхъ, кого люблю я. Не получаю отъ нихъ писемъ, ни самъ не пишу, да и что письмо, когда не видимъ лица человѣка, который намъ кажется краше херувима?

Вотъ сижу въ каютѣ своей, гляжу въ маленькое круглое окошечко на облака дыма, стелющіеся надъ моремъ. Во имя чего постоянно я въ разлукѣ съ тѣми кто дорогъ мнѣ, въ отсутствіи которыхъ болитъ моя душа? О если бы я зналъ это? Но никогда ничего не зналъ я? Вотъ въ чемъ дѣло, хотя и предчувствуетъ душа моя, что всемірную сказку ищу я на востокѣ и на сѣверѣ, потомъ еще и на югъ пойду... За сказкой поднялся бы я и на небо, да лѣстницы не нашелъ, ведущей туда, и въ центръ земли спустился бы я, но не нашелъ потайной двери и подземнаго хода, всю безконечность облеталъ бы и всѣ углы вѣчности исшарилъ бы—но у порога лишь безконечности стою, простирая руки. «Сказки, сказки возвышенной дайте мнѣ!».

О, хотѣлъ бы я взлетѣть надъ долью земной въ синюю высь просторную, оставивъ за собою всѣ трагедіи міра, всѣ неразрѣшенные вопросы, и тамъ, въ вышинѣ, распростерши крылья мечты великой, мирно летать въ сладкомъ покоѣ! Вѣдь безпомощно хожу я по землѣ, спотыкаясь повсюду, но мысль моя, какъ молнія, пересѣкаетъ вселенную, и снова возвращается ко мнѣ, въ тайники моей души... Порою, духъ мой, непокорный, стремится вырваться изъ тюрьмы моего тѣла, но образъ отца моего Фалалея и матери Устиныи—успокаивали меня... Они говорятъ: «сынъ нашъ, успокойся, въ долготѣи твоемъ исполнишь ты всѣ задачи свои, и странствія великія

дадутъ тебѣ покой»... Такъ, милые друзья мои, дѣти сердца, такъ, вѣрно это...

«Гдѣ ты, золотое перо», говорю я тогда, «разскажи мнѣ дальше, гдѣ былъ я, и что видѣлъ, на дивной землѣ?» И рассказываетъ дальше золотое перо мое: «проживешь ты до 80 лѣтъ, и создадимъ мы съ тобою сказку міровую при великомъ терпѣніи, не знающемъ предѣловъ... Совершенно успокойся и ничего не желай, дай мнѣ только свободу движенія».

Да, того, что заложено въ костяхъ человѣка, ничѣмъ не исправить, ничѣмъ не избыть!

III.

Въ Мезени.

Во вторую ночь нашей ѣзды по морю, часовъ въ 12, пароходъ привезъ насъ къ устью рѣки Мезени. Мы увидали широкую рѣку, обросшую по берегамъ еловыми лѣсами, а къ тремъ часамъ утра «Федоръ Чижовъ» (названіе парохода) поднялъ насъ на 25 верстъ по рѣкѣ вверхъ и приблизилъ къ городу Мезени. Вдали у горизонта увидали мы село съ одной церковью, а за нимъ другое (тоже съ одной церковью). Второе село оказалось городомъ Мезенью.

«Ну и ну!» думалъ я: «вотъ такъ городъ. Избы съ двускатными крышами, деревянная церковь между ними, невдалекѣ рѣки, за рѣкою лѣсъ—вотъ всѣ богатства его, вся красота его»...

Скромень и тихъ сѣверъ мой, но бодрить онъ мою душу, и милъ онъ сердцу моему.

Насъ везли до перваго, пригороднаго села на старомъ, деревянномъ пароходикѣ, который могъ бы разсыпаться при сильномъ ударѣ кулакомъ Нялая, или при первомъ толчкѣ въ мелководьѣ, но Нялая не было между нами, ни Максима охотника съ рѣки Выми, а хозяинъ парохода былъ остороженъ и ѣздилъ на немъ и людей возилъ только въ «хорошую» воду. Когда мы оглядѣлись кругомъ, не могли удержаться отъ смѣха.

— Глядите, глядите, говорилъ мнѣ Вацуро, показывая на капитана: «какъ бандитъ съ виду». (На самомъ дѣлѣ онъ могъ быть кроткимъ человѣкомъ; суровы сѣверяне съ виду, но простодушны въ дѣлахъ своихъ).

— Гдѣ же мой спутникъ, спрашивалъ я Вацуро.

— Уѣхалъ на карбасѣ, тамъ вещи понесутъ его урядники «тоже ягодка».

Подѣхали мы къ берегу: небольшая толпа ждала парохода. Вскорѣ оказалось, что насъ никто особенно не ждалъ. Помѣстивъ свои вещи въ телѣгу вмѣстѣ съ почтой, пѣшкомъ прибыли мы сами въ городъ, подражая Одиссею, такимъ же путемъ попавшему въ городъ Феаковъ, только Навзикаи у насъ спутницы не было, да и разума у насъ не было Одиссеевскаго. «Ну, здѣсь денегъ съ лекцій не наживешь», говорили мои молодые товарищи: «тутъ мужики и пятака мѣдью не дадутъ; къ чему имъ какіе угодно вопросы, да и какъ имъ изложить, чтобы они поняли: имъ нужна грамота».

Но я думалъ о другомъ, любуясь простотою жизни на крайнемъ сѣверѣ.

Наши нервы были приподняты огъ бессонницы, и мы все хохотали, какъ безумные женихи Пенелопы передъ горячими слезами.

Пришли мы наконецъ въ «отводную» комнату, гдѣ часа черезъ два молодая дѣвушка принесла намъ самоваръ довольно большихъ размѣровъ, и такъ какъ совершенно было свѣтло, несмотря на ночной часъ мы уютно сѣли около него, желая насладиться чаемъ. Разговаривая между собой, мы какъ-то сразу поняли всѣ, что собственно говоря, мы сами не знали, для чего пріѣхали въ Мезень...

Для меня это было не ново. Я никогда не зналъ для чего и что я дѣлаю, но меня удивляло, что и Вацуро и Ивановъ тоже не знали, зачѣмъ собственно пріѣхали въ этотъ отдаленный городъ. Отъ этого смѣхъ нашъ возрасталъ, и остроуміе моихъ товарищей увеличивалось. Я почувствовалъ тутъ, что дальше мнѣ не уѣхать, такъ какъ деньги безумно растратилъ я въ Архангельскѣ, рассчитывая получить еще впереди. Но мои позднія, разумныя соображенія еще болѣе возбуждали смѣхъ въ моихъ молодыхъ товарищахъ...

Конечно, каждый къ моимъ годамъ въ разумъ входитъ, но я не имѣю зуба мудрости, и тутъ ужъ ничего не подѣлаешь.

Въ такомъ настроеніи я и сидѣлъ у самовара около свѣтлаго окна почти въ уровень съ почвой улицы.

— Мнѣ придется вернуться назадъ, говорилъ я: потому что мое ремесло — чтеніе лекцій — не дастъ заработка въ этихъ мѣстахъ. Да и боюсь 300-хъ верстнаго волока, ибо нѣтъ у меня основаній думать, чтобы дорога была гладка, какъ гумно, также не предполагаю, чтобы мужицкія телѣги болѣе качали,

нежели трясли. Наоборотъ палагаю, что онѣ вытрясутъ мозги моихъ костей.

Всѣ эти мои слова вызывали только смѣхъ въ моихъ товарищахъ.

— Ну и путешествіе, говорили они, глядя другъ на друга, до Мезени и обратно, что же скажетъ общество о насъ. Вотъ такъ изсяѣдователи. Не ставьте себя въ смѣшное положеніе.

— А мнѣ что, отвѣтилъ я имъ. Развѣ кто интересуется моими изслѣдованіями?

Васъ пугаетъ смѣшное положеніе, а я никогда не выходилъ изъ него.

Но сколь ни пестры были наши переживанія, все же утомленіе дало себя почувствовать, и мы задумались, кому и гдѣ спать лечь... По разнымъ угламъ отводной комнаты расположись мы и уснули вскорѣ не тревожимые никакими вопросами, я по своей наивности, а товарищи по своей молодости...

На другой день Ивановъ занялся розысками древнихъ рукописей, Вацуро хлопоталъ о лекціи, а я бродилъ по городу. Къ вечеру пошелъ я на берегъ Мезени. Солнце было низко, и оно было болѣе золотисто, чѣмъ румяно, менѣе свѣтозарно, но болѣе чудесно и мило, что-то родное видѣлъ я въ его ликѣ.

О милое солнце! Какъ прекрасно ты! Отчего мы не проводимъ дни свои въ размышленіяхъ о тебѣ и о красотахъ природы, озоряемыхъ тобой непередаваемо прекрасными лучами.

Почему мы люди, ничтожныя существа, такъ злы и самолюбивы?

Солнце ласково глядѣло на меня и какъ бы говорило: «чѣмъ ничтожнѣе твари, созидаемыя мною, тѣмъ самолюбивѣе онѣ, только великое—спокойно».

Я облегченно вздохнулъ, услыхавъ эти слова солнца, и дальше сталъ смотрѣть на природу. Лѣса и луга покрыты были легкимъ румянцемъ. Рѣка въ переливахъ своихъ волнъ его же отражала. Дома въ городѣ Мезени, казалось, тоже покрыты были тонкой красной кисеей.

Дѣло было къ вечеру и миръ царилъ надъ землею. Табуны лошадей паслись на широкомъ лугу, и слышалъ я ихъ вольное, страстное ржаніе. Они жили сейчасъ первобытной, свободной жизнью.

Я сидѣлъ на бревнѣ у оврага, и любовался далекой рѣкой, и лѣсами, окаймляющими ее, и мирнымъ роднымъ пискомъ комаровъ, которые носились около меня.

Вдали за рукавомъ одинокая юрта стояла бѣдняка самоѣда, который не имѣлъ средствъ уйти вмѣстѣ съ другими на Канинскій полуостровъ, въ вольныя, пространныя тундры, и здѣсь, нанявшись пастухомъ, жилъ за рѣкою. Сейчасъ дымъ выходилъ изъ юрты его и разстилался надъ лугами, а коровы и овцы бродили невдалекѣ. Я пойду завтра, думалъ я, къ самоѣду—Ярану вызнать о его великомъ прошломъ житьѣ-бытьѣ, о тѣхъ временахъ, когда самоѣдъ былъ царемъ тундры, когда онъ жилъ широко, нетѣснимый никѣмъ, щедро даря каждого за всякую малую услугу оленьими шкурами.

Дѣйствительно, на другой день вмѣстѣ съ Вацуро былъ я у самоѣда. За городомъ на берегу ручья маленькій чумъ стоялъ близъ бойни. Мы туда направились. Черноволосый, маленькаго роста самоѣдинъ насъ встрѣтилъ со своей собакой «буро». Жена его

«Секлиста» приготавлила обѣдъ въ котлѣ. Сѣли мы у юрты, разговорились по зырянски.

— Отколь вы? спросилъ насъ самоѣдъ.

— Я изъ Питера, а товарищъ мой изъ Архангельска. .

— Эхъ! воскликнула Секлиста. Подумаешь—изъ Архангельска, изъ Питера... Невидалъ какая. Мы бывали въ нѣмецкой странѣ, въ Берлинѣ, жили въ саду Беланбека.

— Да, мы люди ближніе, говорилъ я, и послѣ того сталъ уславливаться о платѣ, какую я долженъ былъ назначить за занятія самоѣдскимъ языкомъ. Сговорились на полтинникѣ.

Самоѣдинъ, который до насъ вилъ веревку, оставивъ работу, подсѣлъ къ намъ, и сталъ отвѣчать на мои вопросы. Я спрашивалъ глаголы, и узнавалъ спряженіе.

Немного погодя, записавъ слова, мы снялись. У Вацура былъ фотографическій аппаратъ.

Послѣ этого я попросилъ Секлисту спѣть старую пѣсню. Она, сидя на кочкѣ и, качаясь изъ стороны въ сторону, спѣла намъ...

«Мигомочь яхона

Тюкуяле, тейяле

М—га, м—га»...

Она пѣла о томъ, какъ осенью самоѣды направились изъ тундръ въ Мезень, какъ они здѣсь прозимовали, и пропили большую часть оленей, и къ веснѣ пораздумались, сосчитали остатокъ оленей, и рѣшили обратно отправиться въ тундры, взявши съ собой подорожникъ съ виномъ... За Секлистой разговорился молодой самоѣдинъ (а Секлиста была уже стара, и больше знала, мнѣ она сказала—что у нея это второй мужъ, который изъ бѣдности женился

на ней). Онъ разсказалъ намъ о старыхъ еретикахъ и колдунахъ.

Къ вечеру уплативъ деньги, мы оставили ихъ, однако пригласилъ я на лекцію свою самоѣдовъ.

Оставили этихъ дѣтей природы на мху, на берегу ручья. На обратномъ пути захватила насъ буря. Мы промокли, какъ рыбаки.

Ураганомъ опрокинуло и чумъ, какъ видѣли мы издали. Съ пріятностью вошли мы въ свою квартиру, удивляясь самоѣдамъ, какъ они могутъ жить всегда подъ открытымъ небомъ въ ведро и въ ненастье, въ зиму и въ лѣто.

[Сейчасъ я, Гарамортъ, иду на лекцію. Что заложено въ моемъ страстномъ влеченіи читать лекціи повсюду? Куда бы я ни прибылъ, въ большой или малый городъ, я назначаю темы для рѣчи моей Вотъ и въ Мезени, имѣющей видъ небольшого села, я назначилъ такія темы: «Есть ли душа и бессмертна ли она?», и «О смыслѣ жизни», даже не зная, имѣется ли здѣсь интеллигенція и нуждается ли она въ подобныхъ лекціяхъ, потому что никогда я нигдѣ не примѣнялся къ средѣ и дѣлалъ только свое, какъ лунатикъ, или какъ маньякъ.

О Боже мой! и мало успѣлъ я изъ-за этого въ этомъ мірѣ, и пострадалъ я несказанно. Что дѣлать? не могъ измѣнить я себя...

Имѣющіе уши, да слышать, такъ говорилъ я. Давно простившись съ авторитетами, я развиваю всюду и вездѣ свой «лимитизмъ», который кажется мнѣ божественнымъ.

Что таится въ этомъ роковомъ моемъ влеченіи? Голосъ ли Божій, или страсть земная, или наивность непроходимая, ничѣмъ не преодолимая?

И что совершу я? Измѣню ли я лицо земли, или сгорю напрасно въ пламени моихъ стремленій... Все равно, не могу измѣнить я себя... Станнымъ чело-вѣкомъ пройду я по лицу земли, выражая личность свою...

И это вѣдь никому не вредно, я не нарушаю нравственного закона, и никого не хочу обидѣть.

И много горя во мнѣ, и все несу я въ груди моей, и никто вѣдь не можетъ избыть это горе... Я бы-линная личность, и шаги мои—шаги судьбы...]

Вотъ и лекцію прочиталъ я. Народу было чело-вѣкъ 60, да Вацуρο пропустилъ 10 солдатъ. Я былъ доволенъ аудиторіей. Говорилъ я имъ объ энергіи міра, о душѣ, о томъ, что унывать не надо, а необ-ходимо творить, что на сѣверѣ дѣла много, и богат-ства есть, и свѣжіе народы живутъ. Не хватаетъ лишь перваго движенія. Публика была довольна мной. Вацуро же былъ веселъ, что собралъ 19 руб.

Только вечеромъ онъ пожурилъ меня.

— Вы кого это пригласили на лекцію?

— Самоѣдовъ пригласилъ.

— Да пришли они. Она одѣта въ суконный со-викъ, украшенный разными лоскутками, онъ тоже въ суконномъ одѣяніи. Они спросили, какая будетъ плата за то, что они пришли на лекцію.

— Какъ плата, говорю имъ, вамъ дѣлаютъ лю-безность, что зовутъ васъ, а вы еще о платѣ гово-рите.

— Безъ платы мы не станемъ слушать. Мы и такъ все знаемъ; съ этими словами самоѣды об-ратно ушли.

— Что жъ тутъ дурного, сказалъ я Вацуро.

— Охъ, Гарамортъ, до чего вы плохо знаете жизнь, отвѣчалъ мнѣ Вацуро.

— Когда уѣдемъ мы отсюда, спросилъ я его, когда пароходы пойдутъ вверхъ по Мезени?

— Здѣсь пароходы ходятъ по волѣ Божіей, отвѣтилъ мой товарищъ. Когда вздумается ѣхать управляющему, это никому неизвѣстно...

Мы привыкаемъ къ Мезени, и мезенцы привыкаютъ къ намъ. Сначала отношеніе было враждебное. Срывали афиши. «Какое то представленіе будетъ въ народномъ домѣ», говорили всѣ. А когда игралъ я на гармоникѣ, то думали, что репетиція идетъ у насъ... Во время лекцій часть публики была внутри народнаго дома, а часть на улицѣ у оконъ, особенно мужики. Они слушали въ открытое окно, и громко выражали свое согласіе или несогласіе съ моими мыслями.

[Плачу я, Гарамортъ, плачу, отъ долгихъ страстей; отъ великаго одиночества рѣки слезъ я проливаю. Никто не слышитъ, никто не пойметъ музыки пѣсенъ о небѣ и о землѣ, что раздается въ глубинахъ души моей... Я всюду нездѣшній человѣкъ, пришелецъ непонятный!]

Все же дивнымъ дивно, чуднымъ чудно... Въ Мезени, съ великимъ удовольствіемъ слушали меня. Капитанъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: «Мы слушаемъ васъ, какъ пѣвца великаго. Вы не говорите, а поете. Я очень просилъ бы васъ зайти ко мнѣ, посмотрѣть на моихъ солдатиковъ, которыхъ я такъ же люблю, какъ вы людей». Послѣ капитана пришли ко мнѣ на другой день молодые люди и сказали: «Благодаримъ васъ, за то, что говорили вы намъ, за живое слово завущее насъ впередъ».

Только дѣвушки глядѣли на меня изъ-подлобья, какъ на великую загадку, и чувствовалъ я, Гарамортъ, одиночество свое. Порою игралъ на гармоникѣ, и тихія слезы проливалъ я о жизни великой.

IV.

Изъ Мезени въ Пинегу.

[Въ какой сказкѣ живу я, въ сказкѣ грустной, однообразной? Живу въ туманной мѣстности, на берегу залива, въ большомъ городѣ, гдѣ я и всѣ другіе люди, боремся постоянно со смертью...

Разскажу я вамъ, когда-нибудь, какъ жили мы здѣсь и даже что-то создавали, можетъ быть кому-нибудь любопытно будетъ прочесть сказку жизни Гараморта.

О томъ раскажу я немного погодя, какъ учено-учебное учрежденіе создавали, и что претерпѣвали при этомъ. Послѣ моей смерти это интересно будетъ многимъ... Но пока не буду прерывать я нити разсказа моего. Только скажу одно. Новое замѣтилъ я въ душѣ моей. Я постигъ несовершенство свое. Я меньше занимаюсь науками, чѣмъ бы слѣдовало, и мало творю художественнаго. Я чувствую въ себѣ утомленіе, и сознаюсь, утомленіе мое вызвано безумной жизнью прошлыхъ дней моихъ. Ахъ, если бы я былъ мудрѣе, много добраго сказалъ бы я міру.

Страсти, мечты неразумныя, непостоянство интересовъ—губили меня. Да, несовершененъ я, и любовь моя къ себѣ съ каждымъ днемъ уменьшается.

Вслѣдствіе утомленія не пишу о безсмертіи потенциальнаго состоянія души, ни о первопотенціалѣ

міра, не читаю ничего по астрономіи, ни по неофізикѣ, мало пишу сказокъ народныхъ. Между тѣмъ народу нечего читать. Надо было бы писать сказки реальныя для него: въ направленіяхъ Толстого и Фламмаріона работать. Интеллигенція не дастъ литературы для него, ибо она все ищетъ формы, чтобы поразить обывателей (какъ напр. футуристы, которые были у насъ недавно. Одинъ изъ нихъ съ папироской во рту и въ рубашкѣ читалъ докладъ о себѣ самомъ и доказывалъ, что булюкъ-балякъ-есть истинная поэзія). Я былъ удивленъ чрезвычайно безплодіемъ человѣческаго творчества.

Да, мало работаю я.

Одно хорошее только дѣлаю, что усердно на лекціяхъ своихъ проповѣдую лимитизмъ. Даже семинарій образовалъ по лимитизму. Все же грущу и тоскую часто вслѣдствіе сложныхъ условій моей личной жизни и по причинѣ утомленія. Нелегко жить на этомъ свѣтѣ, но буду двигаться, хотя и тихо, въ исполненіе заповѣди Божіей]

Мы плывемъ по Мезени, вѣрнѣе стоимъ на рѣкѣ. Ни буфета на пароходѣ, никакихъ удобствъ. Куда ѣдемъ, не знаю. Между тѣмъ жена ветеринара, породившая ему массу дѣтей, оскорбила меня. Я ей сказалъ: «трудно ѣздить по землѣ, не имѣя вѣрной спутницы въ дорогѣ». Она отвѣтила: «гдѣ же вамъ имѣть вѣрную спутницу, когда вы, какъ ученый, сухой человѣкъ». Впервые, я не ученый, и это первое оскорбленіе, что называли меня ученымъ, во вторыхъ «я сухой человѣкъ», Гарамортъ любвеобильный. Въ великой грусти ушелъ я въ свою каюту и легъ на койку, и долго не могъ уснуть, думая о жизни бѣдственной моей...

Проѣхавъ на пароходѣ цѣлыя сутки, мы отдалились отъ города Мезени только на 40 верстъ. Тогда Вацуро, ветеринаръ съ семействомъ и я рѣшились выйти съ парохода на берегъ. Въ лодкѣ переправили насъ на песчаный островъ...

Пока мои спутники переправляли наши вещи въ деревню, я, беззаботный Гарамортъ, сидя на камнѣ, игралъ на гармоникѣ. Чайки вились надъ моей головой, и поддонный царь рѣки слушалъ меня, какъ Садко, богатаго гостя Новгорода.

Мы проѣхали 200 верстъ отъ Мезени до деревни «Березникъ», причемъ пересѣкли волокъ (тайболу) длиною 100 верстъ. Пять остановокъ на этомъ волоку. На второй станціи ямщикомъ у насъ былъ Василій Тарутинъ, краснощекій съ рыжей бородой мужикъ. Онъ занималъ насъ всю дорогу. Повернувшись на облучкѣ, рассказывалъ намъ объ охотѣ. «Въ лѣсу-то вѣдь больно хорошо, коли птица есть», говорилъ онъ. «Я все въ лѣсу осенью за птицей, а зимою за куницей промышляю, только медвѣдя не видалъ ни разу».

— Здоровъ, молодецъ, говорилъ я ему.

— Здоровъ, а зубовъ-то нѣтъ.

— Какъ зубовъ нѣтъ.

— Такъ. Одинъ зубъ выпалъ самъ, а другой болѣлъ, и вырвали. Два зуба другіе сломаны.

— Въ дракѣ, что-ли?

— Да, въ дракѣ.

Я и въ военной службѣ служилъ, и тамъ тоже охотникомъ былъ. Служилъ у офицеровъ. А вѣдь диво, какъ встрѣтишь офицера на улицѣ, честь надо отдать, а вѣдь, какъ живутъ-то. И тутъ Тарутинъ рассказывалъ разные случаи изъ жизни. Отъ этихъ,

довольно свободныхъ разсказовъ, я опять повернулъ его къ охотѣ.

«Охъ, на озерѣ-то хорошо. Утокъ-то, лебедей! Какъ пойдешь съ винтовкой, ахнешь, смотришь, собака ужъ тащить въ зубахъ, аль селезня аль утку».

Я слушалъ ямщика и любовался. Онъ живетъ, какъ дитя на лонѣ природы, а мы живемъ въ городахъ пасмурные, недовольные, никакая игрушка не утѣшаетъ насъ, и все намъ мало. И ломаемъ мы жизнь, свою и другихъ. Зачѣмъ?

Не хотимъ любоваться лѣсами, горами, восходомъ солнца и закатомъ, первымъ снѣгомъ въ осеннее время, первымъ громомъ весной... Мы серьезны...

Къ чему? мы пишемъ книги, и обижаемся, что насъ не читаютъ, а кто намъ велѣлъ писать, отчего мы не хотимъ мирно жить, какъ всѣ живутъ.

Да, надо мнѣ успокоиться, ничего не желать, ни къ чему не стремиться и жить такъ же тихо и умно, какъ жилъ мой мудрый отецъ Фалалей... Иначе не только счастья не будетъ никогда, но и здоровье потеряю въ конецъ.

Мы, наконецъ, прибыли въ Березники. Здѣсь рѣшились ждать парохода, чтобы уже съ большимъ удобствомъ доѣхать до Пинеги.

Тѣзда въ телѣгѣ можно сказать, раздробила намъ кости. Я бы даже умеръ, если бы не одна хитрость моя. Сверхъ «переплета» (веревочной сѣтки въ экипажѣ) я велѣлъ перетянуть еще одну веревку и качаясь на ней, какъ во время ужасной тряски по сѣвернымъ дорогамъ, сохранилъ жизнь свою для лучшихъ дней. Все же потеряли мы всякую охоту дальше ѣхать въ телѣгѣ.

Хозяинъ станціи, Петръ Прокофьевъ былъ «выпимши», сынъ его, женатый мужикъ, тоже, да и многіе по деревнѣ были навеселѣ. Все это объяснялось кануномъ Петрова дня и передъ «страднымъ» временемъ... Впрочемъ Прокофьичъ, по его словамъ, всю жизнь пилъ съ «умомъ», при женѣ отъ скуки, послѣ жены отъ тоски.

Такъ какъ наши желудки были разстроены отъ путешествія по сѣвернымъ деревнямъ (что было съ нами, если бы мы пожили у самоѣдовъ, не имѣя никакихъ припасовъ?), то поручили мы Петру приготовить намъ обѣдъ.

— Съ нашимъ удовольствіемъ безусловно, отвѣтилъ намъ хозяинъ и, взявъ деньги отъ насъ, ушелъ.

Дѣйствительно, вечеромъ онъ развелъ огонь на улицѣ въ ямѣ, и сварилъ намъ уху. Вѣрнѣе говоря, дѣти все это сдѣлали, но Петръ сидѣлъ у огня, какъ бы участвуя въ дѣлѣ. Онъ купилъ гдѣ-то яицъ, но сосчитать ихъ не могъ.

— Два, одинъ, три, должно что семь, или восемь, говорилъ онъ: схоже, что восемь.

— Ладно, ладно, Прокопьевичъ, такъ успокаивали его, положимъ восемь (а на самомъ дѣлѣ было семь, и тутъ вспомнилъ я Калевалу, гдѣ пѣвецъ говорилъ что у Вейнемеинена было семь кафтановъ, а сосчитать такъ восемь).

— Не смѣйтесь, вотъ что я скажу обратился къ намъ Прокофьичъ садясь къ столу.

— Что?

— Вотъ что скажу. Энта надняхъ лошадей не было.

Баринъ пріѣхалъ, ругается: запишу, говоритъ, въ штрафной журналъ. А я ему и отвѣчаю: «Вотъ что, баринъ, лучше не пишите, потому что ежели напи-

шите, мнѣ будетъ не хорошо и вамъ плохо. Такъ лучше не пишите»... Потомъ я и скажи: «Федора (моя-то молодуха Федора) сходи къ Олькѣ, приведи лошадей. Невѣстка сбѣгала, и испуганная является: «Татка, татка!»

— Что? говори.

— Ой, татка, Олька-то голову отрубилъ женѣ.

— Почто? говорю.

— Не знаю, отвѣчаетъ.

И тутъ Прокофѣичъ разсказалъ одну изъ потрясающихъ душу исторій деревенскихъ преступленій.

Нѣсколько дней сидѣли мы въ «Березникахъ» въ ожиданіи парохода. Разговаривали съ Вацуρο о жизни деревенской. Глядѣлъ я на мужиковъ, глядѣлъ я на женщинъ, и видѣлъ разницу между ними большую. Женщины и красиво одѣты, и скромны, и расторопны, и трезвы, мужики же пьяны, грубы, праздны и не умны. Чудеса! Вонъ босоногій бородачъ безъ шапки, куда-то идетъ, жена его, одѣтая въ красивый сарафанъ, въ чистую рубаху, съ цвѣтнымъ платкомъ на головѣ, тоже босая, идетъ за нимъ.

Вонъ два другихъ мудреца, уже выпивши зѣло, идутъ по улицѣ, оба босые, безъ шапокъ, оба выпили и на всю деревню ругаются. Имъ все нипочемъ.

Наша хозяйка намъ принесла самоваръ, она и чисто одѣта, и трезва, и не ругается, знаетъ стыдъ и приличіе, а хозяинъ (сынъ Петра) пьянъ, какъ зюзя.

Откуда убѣжденіе, что мужская половина чело-вѣчества выше, умнѣе, благороднѣе...

Сомнѣваюсь. Въ будущемъ установится женское царство (какъ у пчелъ и муравьевъ). Мужская половина обопьется, изнервничается. Всѣ дѣла жизни

возьмутъ женщины, нѣкоторый процентъ мужчинъ онѣ будутъ оберегать, поить и кормить для продолженія рода, но большинство женщинъ будутъ безбрачны, чтобы не было чрезвычайнаго размноженія людей. Такъ женщины будутъ хозяйками земли.

Эти мысли возникли во мнѣ (и возникаютъ часто), когда я наблюдаю жизнь людей.

Мужики и бабы одинаково безграмотны, поведение ихъ разное. Почему?

Вчера собрались мужики у моихъ оконъ и стали «выражаться» изъ любви къ искусству, и только энергичное вмѣшательство мое прекратило подобное ихъ бесполезное занятіе. Вотъ я и спрашивалъ себя: «почему они путно не могутъ говорить». Я знаю, что подобныя мои разсужденія многимъ не понравятся. Все же курить ѳиміамъ передъ грубостью и невѣжествомъ я не имѣю основанія.

Да, женщины красивѣе и лучше мужчинъ, а дѣти красивѣе и лучше тѣхъ и другихъ. Когда я давече въ рукѣ держалъ годоводку-ребенка, я почувствовалъ прикосновеніе Бога. Въ очертаніяхъ его круглой головы и маленькаго личика я видѣлъ мудрость природы, а черезъ глаза его глядѣлъ на меня Духъ міра. Милый Вацуро снялъ меня съ ребенкомъ на рукахъ.

Пошелъ я въ лѣсъ, и, увидавъ деревья, сказалъ имъ: «матушки-елочки, хожу я между вами, глядя съ удивленіемъ на вашу молчаливую, безропотную жизнь. Какъ будто все уже извѣдали вы въ своемъ предсуществованіи. Вотъ теперь безгрѣховно и безгласно, тихо живете, покорствуя законамъ міра. Уже нѣтъ злобы въ вашемъ сердцѣ (а сердце есть, конечно, у васъ)». Такъ я размышлялъ въ лѣсу.

Собаки бросились на меня изъ деревни съ лаемъ, на ихъ глазахъ я сѣлъ возлѣ дороги и сталъ писать

карандашомъ на бумажкѣ. Тогда одна изъ собакъ подошла ко мнѣ и подсѣла, глядя на меня сбоку. «Что другъ мой, что милый?» сказалъ я ей, а она въ отвѣтъ ласково посмотрѣла на меня. Потомъ я всталъ и пошелъ къ деревнѣ, а вслѣдъ за мной и собака пошла, покорно повѣсивъ голову. Такъ нѣкогда люди перестанутъ гнать меня, и подойдутъ ко мнѣ, и взглянуть сбоку. И тогда научу я ихъ любить другъ друга.

Все больше и больше убѣждаюсь, что единственное спасеніе человѣка въ наукѣ и въ культурѣ. Некультурное безпомощно и некрасиво: случайность управляетъ человѣкомъ, не вооруженнымъ познаніемъ. Если я когда говорилъ противъ культуры, то потому только, что на Руси настоящей-то культуры нѣтъ, или очень мало ея.

[Но какъ тяжель ты — крестъ великаго одиночества, преодоленіе страстей, гоненіе міра! И сколь сладка участь его! Тяжко быть на верху горы, на глазахъ у всѣхъ. Но какъ далеко видно оттуда!

Чудеса! бродить по свѣту, мыкаться по угрюмымъ тайболамъ, заболѣвать и сердцемъ и желудкомъ, томиться въ ожиданіи пароходовъ — и все это во имя сказки міровой. Это ли не безуміе?]

V.

На берегу Пинеги.

Когда солнце закатилось, мы съ Вацуру спустились къ рѣкѣ. Когда мы еще были между озимовыми полями на пути къ ней, лѣсъ, растущій на противоположномъ, берегу привлекъ невольнo мое вниманіе.

Какъ пирамиды надъ пирамидами, поднимались зубчатые ели одна надъ другой, по склону высокаго берега, и кого-то грозно ждали, озаренныя таинственнымъ свѣтомъ заходящаго солнца, а на самомъ верху берега стояли рядами болѣе кроткія лиственницы. Багровый, тяжело-сумрачный лѣсъ тянулся направо и налево вдоль всей рѣки, и конца не было видно ему.

Я глядѣлъ съ возрастающимъ изумленіемъ: еще не видалъ такой суровой картины никогда я. Пинега спокойно несла свои синія воды у подножія этого лѣса, и къ чему-то прислушивалась, и что-то они ждали всѣ, лѣсъ, рѣка и горы, ждали сурово и грозно, какъ бы внезапнаго вражескаго нападенія.

У самой рѣки ручей холодный встрѣтилъ меня со своимъ неумолкающимъ пѣніемъ, бодро низвергаясь съ вершины холма къ рѣкѣ, оmyвая чистой, холодной струей своей камни сѣрые, бѣлые, красные. И вспомнилъ я дѣтство свое, глядя на эти камни, которые такъ были милы мнѣ въ тѣ годы...

Птицъ же не было видно нигдѣ, и звонкіе голоса ихъ не раздавались надъ рѣкою. Грознотаинственная тишина наполняла воздухъ надъ холодной поверхностью рѣки.

О сѣверъ мой прекрасный! О чемъ еще волнуется душа моя! Не цѣлыми ли годами глядѣлъ я въ твое лицо, не наслаждался ли я образомъ твоимъ во всякую минуту жизни?

Да, пора успокоиться мнѣ, видѣвшему небо и землю, насыщенному красою своего сѣвера... Только одно озабочиваетъ еще меня: не встрѣтилъ я на сѣверѣ великомъ ни ученыхъ ни писателей, ни общественныхъ дѣятелей, стражей народныхъ. Ихъ пока нѣтъ, и въ чьи руки передамъ я мой сѣверъ, несравнимо-прекрасный и нѣжно-любимый мною?

VI.

Въ ожиданіи парохода.

Какъ сладко найти путеводную нить жизни своей! Удастся ли это мнѣ совершигъ. Гарамортъ, Гарамортъ! Откроешь ли звѣзду свою, или совершишь нѣчто другое, равноцѣнно-прекрасное на землѣ? Можетъ быть ты пройдешь черезъ полюсъ нѣкогда изъ Россіи въ Америку, и тамъ будешь проповѣдывать на островахъ слово Божіе.

Я такъ жажду великаго, что когда вижу нѣкоторую возможность совершить его, безумный восторгъ наполняетъ мою душу, какъ будто бы былъ я на любовномъ свиданіи и созерцалъ черты милыя своего идеала. Въ моемъ стремленіи къ великому проявляются эросъ, который дѣйствуетъ въ любви. О чемъ думалъ я всю жизнь? О путяхъ къ великому. Ради этого и странствую, въ надеждѣ — вдругъ блеснетъ идея моя. Можетъ быть внезапно прочтемъ мы іероглифы жизни вселенной и жизни своей, а вѣдь слаще всего найти путеводную нить жизни своей и всего мірозданія. Надо постоянно готовымъ быть къ разгадкѣ тайны, которая раскроется при блескѣ молніи — мысли мгновенной и внезапной... Изъ-за этого и странствую я, чтобы готовымъ быть.

Въ подобныхъ размышленіяхъ бродилъ я по берегу Пинегы въ ожиданіи парохода. Мой Вацуру, босой, бѣгалъ около костра и варилъ уху. Петръ помогалъ ему. Съ его устъ всегда готовы были сорваться слова: «съ моимъ удовольствіемъ», или «безусловно» Н. А. Горбатовъ, чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, всегда молчаливымъ,

инспекторомъ народныхъ училищъ, днемъ и ночью носившимъ на головѣ фуражку съ кокардой—лежали въ тѣни въ ложбинѣ у ручья, а я, бродя по берегу, велъ длинные діалоги съ камнями. Долго глядѣлъ я на нихъ, и дивился, созерцая слои земли... Камни съ дѣтства вызывали мое удивленіе... Они—отрывки дневника незаконченнаго, великаго художника—генія земли. Углубляясь въ слова этихъ отрывковъ можно возсоздать поэму великую — исторію матери земли, которая тоже не мало испытала перемѣнъ въ груди своей.

Долго глядѣлъ я на высокіе берега, и, карабкаясь, поднимался до середины ихъ, и сидѣлъ на вѣтвяхъ приземистыхъ березъ, укрываясь въ тѣни ихъ отъ палящаго солнца. Любовался порою слѣдами на камняхъ древнихъ раковинъ и отпечатками листьевъ каламитовъ, и вдругъ блеснула идея—этотъ красный берегъ, высыщійся надо мной—пермская эпоха. Тогда все стало ясно мнѣ, и я понялъ происхожденіе камней и слоевъ земли. О если бы также догадался я о цѣли жизни моей, и о путяхъ къ великому.

Гарамортъ, ради этого странствуешь ты по крайнему сѣверу, томясь вѣчнымъ днемъ, не угасающимъ, румянымъ свѣтомъ сѣвера.

Но я безъ средствъ и одинокъ, и безмѣрно нужно мнѣ много труда, чтобы совершить значительное. О великое терпѣніе, не покидай меня я вѣдь только что начинаю входить въ разумъ, не переставая быть безумцемъ.

Можетъ быть служеніе сѣверу и есть дѣло мое, для чего я родился.

Румяные города съ деревянными домами съ красными крышами, малыя деревни съ большими хоро-

мами избѣ, окруженныхъ дремучими суровыми лѣсами, прозрачныя рѣки съ высокими берегами, надѣ всѣмъ этимъ свѣтлоалые дни и румяныя ночи— вотъ сѣверъ мой! Мнѣ тѣсно было бы, однако, въ немъ, если бы не мои далекія предпріятія. Простые люди, независимые и суровые—надоѣли бы они мнѣ, если бы не любилъ я безмѣрно человѣка.

Трепещетъ душа моя: она не можетъ не волноваться, когда струны ея дрожатъ отъ великихъ образовъ. Мнѣ снятся краснокожіе въ лѣсахъ Америки, я вижу ихъ милые вичвамы; также племя майори влечетъ меня къ себѣ на берегахъ Новой Зеландіи. Я представляю самоѣдку, которая безъ меня поетъ, сидя на кочкѣ: «м—га, м—га, маль мигомо». Разнообразные языки не даютъ покою, и вотъ взволнована душа моя. Я проповѣдую о Богѣ о Богѣ моемъ, о безсмертной душѣ въ городахъ сѣвера, и внимаютъ мнѣ народы. Какъ ни плакать мнѣ горячими слезами. О какъ много знаю, какъ много видѣлъ я, наивный, задумчивый Гарамортъ.

VII.

Въ г. Пинегу.

Въ такихъ размышленіяхъ проводилъ я время на берегу, а друзья мои лежали около костра. Вдругъ увидалъ я за поворотомъ рѣки пароходъ, онъ неслышно къ намъ приближался, бѣлый красавецъ между пестрыми берегами... Какая славная игрушка придумана людьми. Пароходъ принялъ насъ всѣхъ, загорѣвшихъ отъ солнца и утомленныхъ ожиданіемъ. И мирно поплыли мы, сидя по каютамъ, въ Пинегу...

Мѣстами воды было мало въ рѣкѣ, но пароходъ давалъ быстрый ходъ, колеса поднимали волны, которыя поднимали пароходъ и переносили его черезъ мели. Такъ старыя идеи несутъ насъ все къ новымъ дѣламъ.

Въ одинъ изъ вечеровъ оказались мы въ Пинегѣ, мало отличающейся отъ Мезени.

Вмѣстѣ съ Вацуρο устроили мы лекцію въ народномъ домѣ. Гостиница, гдѣ мы остановились, ничѣмъ не обладала, какъ только большими пустыми комнатами. И гостиницу и городъ Вацуро называлъ «Біармійскими».

— Что хорошаго ждать отъ Біарміи, говорилъ онъ.

На первой моей лекціи были политическіе-со-сланные, чиновники, писаря, учительницы и мужики, которые впрочемъ стояли у оконъ снаружи и вслухъ одобряли или порицали мои мысли.

Послѣ первой лекціи, вернувшись въ пустую «біармійскую» гостиницу, не могъ я вовсе спать. И при восходѣ огромнаго, пурпурнаго солнца, сидѣлъ на постели, тяжело удрученный думами о вселенной и о человѣкѣ. Эти думы занимаютъ всю мою жизнь, изъ-за нихъ ничего не понималъ я въ окружающемъ мірѣ.

VIII.

Изъ Пинеги въ Архангельскъ.

Политическіе ссыльные провожали насъ на пароходикъ и рассказывали намъ о своей жизни. Многіе изъ нихъ переженились и приспособились, иные впали въ апатію, другіе занимались изученіемъ края.

Жили они какъ бы колоніей въ чужой землѣ. Они завидовали намъ, что ѣдемъ мы опять въ центръ жизни—въ столицу, въ тотъ городъ «сумасшедшихъ», который былъ причиной потери здоровья и житейскаго смысла. Все же манитъ всегда къ себѣ людей еще не познавшихъ истинно-счастливой жизни на лонѣ природы, онъ все еще щекочетъ наше честолюбіе и облыжно сулитъ какія-то ученыя и литературныя блага, которыя такъ же дѣйствительны, какъ прочны и долговѣчны мыльные пузыри.

Простившись съ пріятелями мы пошли въ каюту, однако дверь ея не открывалась ни ключемъ, ни ломомъ, на что будто бы обижались, по мнѣнію Вацуро мѣстные воры.

Спустившись отъ города внизъ по рѣкѣ, мы переночевали на другомъ пароходѣ и мирно ѣхали къ Архангельску, который сейчасъ рисовался въ нашемъ воображеніи, какъ Палестина для странствующихъ въ пустынѣ аравійской евреевъ.

Виды береговъ мѣнялись. За лугами наступили высокіе, красные берега, за ними известковые. Эти пещеры снова взбороздили и взволновали море души моей, мнѣ снились первобытные народы, живущіе въ пещерахъ; затѣмъ я представлялъ себя между ними съ посохомъ проповѣдника, и плакалъ я при этомъ отъ восторга...

Мы ѣхали на пароходѣ братьевъ Володиныхъ, которые владѣли чуть не половиною домовъ въ Пинегѣ. Приказчикъ ихъ вступилъ со мною въ разговоръ, спрашивалъ, для чего я ѣзжу по сѣверу.

— Изучаю исторію народовъ и языковъ, отвѣтилъ я.

— Для чего все это, вѣдь этихъ языковъ уже

нѣтъ, или не будетъ ихъ. Къ чему намъ прошлое знать, когда прошлаго ужъ нѣтъ.

Сколько я ни старался, приказчикъ меня не понималъ, для чего нужно знать языки. Сѣверяне недалеко ушли отъ самоѣдовъ, не желавшихъ слушать моей лекціи. Наука у насъ не въ модѣ и не въ почетѣ.

Конечно, если бы я былъ торговцемъ, увидалъ бы болѣе почтенія отъ земляковъ, чѣмъ теперь, но, увы, не торговый я человѣкъ, и пароходы мои не ходятъ по рѣкамъ великаго сѣвера.

IX.

Снова въ Архангельскѣ.

Снова вернулись мы въ Архангельскъ, радостные вышли на пристань въ надеждѣ, что и другіе всѣ обрадуются нашему возвращенію. Но ничего подобнаго не оказалось. Никто насъ не ждалъ такъ скоро. На сѣверѣ привыкли къ такимъ экспедиціямъ, чтобы отправившіися не только не возвращались черезъ годъ или два, а чтобы и вовсе и не вернулись и погибли бы гдѣ-нибудь на новой землѣ или югорскомъ шарѣ. А мы вернулись скоро и живые. Какой это интересъ, что тутъ сенсационнаго?

Да и кромѣ того лѣтняя суета какъ разъ охватила городъ. Такъ наз. навигація, и никто ни о чемъ не думалъ, какъ только о морскихъ предпріятіяхъ...

Жара стояла надъ городомъ, а вечерами пыль наполняла улицы, въ гостиницахъ неистовая музыка гремѣла, оживляя нервы предпринимателей, бросающихъ деньги во всѣ стороны...

Удалившись отъ дыма и чада городской сутолоки, я заперся въ своей комнатѣ, и задумался.

«Для чего, Гарамортъ, ты ѣздилъ въ Мезень, разстроилъ тамъ желудокъ треской и ключевой водой, изъ-за чего плавалъ по рѣкѣ Мезени, и ѣхалъ по деревнямъ, и черезъ дикую Тайболу, потомъ побывалъ въ Пинегѣ, куда никто не приглашалъ тебя? Для чего все это?»

Я не могъ дать, сколько ни старался, удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы, кромѣ неопредѣленнаго: «я созидаю всемірную сказку».

А ночью, сидя у окна въ номерѣ гостиницы и глядя на тусклое небо сказалъ себѣ: «гдѣ источникъ жизни моей и вѣчной младости? Звѣзда моя. Ищу я звѣзду мою въ небесахъ. Съ вершины горъ великихъ гляжу я на нее, невиданную донинѣ никѣмъ; он сіяетъ тамъ, омываемая волнами прозрачнаго, холоднаго эфира. Она манитъ меня къ себѣ, непрерывно, ежеминутно.

И вотъ не устаетъ душа моя и не старѣютъ кости мои и гибки мускулы мои никогда я не обветшаю... И духъ мой всегда будетъ обитать надъ землею...

Гарамортъ не вѣдаетъ смерти. На солнце онъ будетъ жить потомъ, и тамъ будетъ искать звѣзду свою... И на млечномъ пути, дугѣ небесной, продолжитъ онъ поиски свои...

Такъ такъ... Брожу я по землѣ въ надеждѣ, откуда нибудь увидать звѣзду мою, звѣзду несравненно-прекрасную...

Вчера прочиталъ я лекцію «Любовь и Красота» въ залѣ городской думы. Публики было мало и аплодировали лѣниво. Ну чтожъ и это хорошо. Завтра еще прочту другую лекцію: «Три идеи въ Русской философіи». Если не понравлюсь, прочту третью: «Привычка и Творчество». Что мнѣ больше дѣлать

въ мірѣ, какъ не надоѣдать людямъ, и беспокоить ихъ? Не даромъ же я зовусь Гарамортомъ. Левъ Ал. Пятинъ предложилъ мнѣ съѣздить на «Новую Землю» на пароходѣ Ольга, да не знаю, хотя мнѣ терять и нечего...

Новинскій, самоучка-философъ, знатокъ теоріи флюидовъ и всякой окултистики, говоритъ мнѣ: «поѣзжай, Гарамортъ, ты увидишь волны студенаго моря и синій хребетъ его. За 200 верстъ усмотришь коричневыя вершины горъ на Новой Землѣ, мрачной и безлѣсной». Не знаю. Отчего бы не ѣхать мнѣ, рѣшившемуся странствовать по землѣ безъ смысла и цѣли, дерзнувшему попытаться поднять всю прозу земную до высотъ свѣтлыхъ идей поэзіи, описать такъ дѣйствительность, чтобы она сказкой казалась, и нарисовать портреты друзей, чтобы они умерли отъ смѣха надъ собою. Все такъ, да влекутъ меня песчаные берега Вычегды и жители ихъ, кушающе хлѣбъ на землѣ, молча близъ великихъ лѣсовъ, столь же молчаливыхъ, какъ и они. Хочу сказать имъ божественное слово о величій міра, о безсмертіи души, не воспрянуть ли они для дѣятельности высокой. И вотъ колеблется душа моя.

Х.

Изъ Архангельска въ Устюгъ.

Въ одинъ изъ дней, которыхъ много у Бога и немало у Гараморта, сѣлъ я на пароходъ, чтобы отправиться въ Устюгъ. Сѣлъ я въ первый классъ, любезно предоставленный мнѣ дирекціей пароходства. Расположился, какъ великій баринъ, хотя въ сущности только мужикъ я.. Какъ легко человѣкъ зазнается, Боже мой! Малѣйшій успѣхъ въ жизни, въ наукѣ и въ литературѣ дѣлаетъ его героемъ и недосягаемо-великимъ въ собственныхъ его глазахъ, хотя остается онъ на самомъ дѣлѣ такимъ же, какимъ былъ до успѣха, маленькимъ человѣкомъ, краткотечнымъ между жителями земли. И другіе, по недоразумѣнію, начинаютъ къ нему относиться иначе. Такъ И. Я. Львовъ, встрѣтивъ меня, разъ на улицахъ Архангельска, воскликнулъ: «Гарамортъ уже знаменитость». Я хотѣлъ ему отвѣтить: «Гарамортъ по-прежнему бродяга», но удержался, сохраняя «свое реноме»... О чепуха, какъ ты властвуешь надъ людьми. Чепуху люди читаютъ, чепуху пишутъ, и всѣ читаютъ, обсуждаютъ, думая, что дѣлаютъ важное дѣло. Глядѣли бы на небо, на море, пахали бы землю, жили бы мирно—куда! мѣтятъ всѣ въ герои.

«Я, знаете, не то, что другіе, пишу книгу». «Я, знаете, нѣчто большое, невѣдомое міру»...

Мы всѣ забываемъ, что происходимъ мы отъ какой-либо инфузоріи, и живемъ мы на малой планетѣ, и безсильны мы, и злы, и ничтожны...

Если бы мужики перестали кормить насъ, одѣвать, строить намъ дома, возить насъ, мы догадались бы тогда, сколь ничтожны мы.

Такъ отправился я изъ Архангельска вверхъ по сѣверной Двинѣ, къ Котласу. Вацуро мой остался въ Архангельскѣ. Ъхаль я впервые по этому краю, и любовался берегами. Гармоника моя звонче играла, чѣмъ когда-нибудь. Широкая рѣка, богатая водой, предстала мнѣ, какъ невѣста, въ своемъ убранствѣ. Правый берегъ, возвышаясь надъ водой, покрытъ былъ мирными еловыми лѣсами. Ели — эти кроткія дѣвственницы сѣвера — махали мнѣ своими зелеными руками. А по другую, по лѣвую сторону рѣки, тянулись, спокойно лежащія, песчаная мели. Сквозь стеклянные окна парохода глядѣлъ я на все это, сидя въ общемъ залѣ, и видѣлъ также отраженіе въ зеркалѣ и лѣсовъ еловыхъ, и мелей песчаныхъ... И отраженное гладью зеркала казалось лучше мнѣ дѣйствительности, такъ сказка болѣе манитъ душу мою, чѣмъ природа безъ вымысла. Желтые пески и зеленые ели успокаивали душу мою, утомленную заботами въ Архангельскѣ. «Успокойся, Гарамортъ,» сказалъ я самому себѣ, что потерялъ ты въ странствіяхъ своихъ? Ничего, ибо ничего не имѣлъ. Въ Архангельскѣ денегъ не нажилъ ты, правда, на послѣднихъ лекціяхъ народу вовсе не было. Это вѣрно. Но что прибавилось бы тебѣ, если бы нажилъ тамъ 100 руб.? Ровно ничего... Нѣтъ ничего дешевле денегъ и малозначительнѣе, какъ ты много и много разъ убѣждался въ жизни.

Цѣнны идеи, дѣла наши, слова, сказанныя человекомъ, книги, написанныя имъ, подвигъ, какъ примѣръ, поданный міру. Остальное все смертно и тлѣнно. Живи, Гарамортъ, какъ жилъ доселѣ, путь твой ясенъ.

Изучишь ты языки сѣвера и востока, сблизिшь японскій съ угрофинскимъ, привлечешь китайскій языкъ къ этой группѣ, побываешь у краснокожихъ въ Америкѣ, тамъ прижмешь ихъ къ груди своей, милыхъ дѣтей своихъ, затѣмъ побываешь у малайцевъ, и попробуешь развить теорію свою, которая пока въ предутреннемъ туманѣ.

Ты странникъ міра, наивный сказочникъ, путешествуешь ты на свой счетъ, а не на счетъ народа, который никуда не посылалъ тебя. И не боишься, кромѣ того, ни финскихъ, ни венгерскихъ, ни нѣмецкихъ, ни русскихъ ученыхъ, а если они живутъ на лунѣ, и лунныхъ не боишься ученыхъ, ибо у тебя, слава Богу, свои глаза, чтобы наблюдать, и уши свои чтобы наслаждаться музыкой языковъ, и странствовалъ немало ты по сушѣ и по водѣ. Все увидишь ты, все усмотришь къ концу своей жизни.

Если же тебя будутъ давить твои астрономическія и математическія мысли, пріобрѣти уголокъ земли на сѣверѣ миломъ, построй тамъ обсерваторію и созерцай небо, и думай о вѣчномъ теченіи звѣздъ, и о законахъ ритма переходовъ первопотенціального въ реальное, и реального въ первопотенціальное, и тогда поймешь ты лучезарную сказку вселенной. Можетъ быть догадаешься усмотрѣть и удлиненіе земныхъ сутокъ, и многое другое. Порою же будешь ѣздить по Россіи и Европѣ, проповѣдуя слово Божіе. О желудкѣ же своемъ, вѣчно не насытномъ, не заботься, онъ вовсе пусть не будетъ, а постоянно полнымъ быть ему вредно. Тутъ смотришь, вырастутъ дѣти твои. И поѣдешь съ ними, прихвативъ съ собою и странника Шеханова, вдоль берега сѣвера Россіи и Сибири, любясь льдами и мрачными берегами у студенаго моря. И напишишь тогда сказки новыя.

Языки же дадутъ тебѣ основаніе создать новую сказку, (ибо всякая наука—сказка), о происхожденіи людей, въ родѣ литой древней легенды Востока, что Адамъ жилъ на Цейлонѣ, «и перешелъ вмѣстѣ съ Евой проливъ противъ воли Брамь, и сталъ несчастенъ,—или въ другомъ родѣ».

Такъ размышленіями успокаивалъ я себя, чтобы свергнуть гнетъ тяжелый съ души моей, который налегъ на меня въ послѣдніе дни въ Архангельскѣ. И за это не надо на меня обижаться, вѣдь не вы меня утѣшаете въ минуты скорби великой, а самъ я черпаю силы мои въ глубинахъ духа моего, подражайте и вы мнѣ, дѣти мои.

Да и неудачниковъ много на сѣверѣ. Сѣдовъ все еще не вернулся съ полюса. Про Русанова, совершившаго подвигъ (онъ первый объѣхалъ «Новую Землю») тоже ничего не слышно. Держевецкій взволновалъ мою душу рассказомъ о жизни своей. Да и не прочно все на сѣверѣ. Были жаркіе дни, невыносимо жаркіе, но подули легкіе вѣтры сѣвера, и наступили холода, и іюль сталъ похожъ на октябрь. Все это удручило меня и вмѣстѣ съ непрерывными думами о томъ, что мало ѣздилъ я на сѣверѣ, и не успѣлъ закончить изученіе самоѣдскаго языка—все это наполнило грустью мою душу. Чтобы путешествовать по сѣверу, надо сначала крѣпко пообѣдать на югѣ.

Такъ ѣхалъ я по Двинѣ. Съ утра душа моя сначала затосковала, но потомъ я утѣшилъ себя созерцаніемъ и размышленіями. Грусть овладѣла мною изъ-за того, что вспомнилъ я тѣхъ, кто позабылъ меня, и даже писемъ не получаю никакихъ.

Человѣческая же душа, что трость, колеблемая вѣтромъ, легко можетъ загрустить, а утѣшителя

нѣтъ у ней. Гарамортъ, какъ будешь ты жить безъ любви, безъ нѣжной заботливости, куда преклонишь ты голову свою подъ старость, кому вдохновенно расскажешь ты о странствіяхъ своихъ, что видѣлъ и слышалъ на землѣ. Такъ спросилъ я самого себя, и не зналъ, что сказать. Но затѣмъ посмотрѣлъ на берега Двины, и тихая струя покоя вливалась въ двери души моей, и уладила она бурю, возникающую въ глубинахъ духа. Посмотри, сказалъ я себѣ: эти пески зовутъ тебя, чтобы ты походилъ по волнистой равнинѣ ихъ. А вотъ гибкія ивы кланяются тебѣ и приветствуютъ, приглашая подъ свою шуршащую тѣнь. А травы на берегу не о любви ли къ тебѣ, Гарамортъ, шепчутъ онѣ... Милыя ели бодрья сосны манятъ путника къ себѣ и сулятъ невѣдомыя сказанія, о жизни природы, звѣрей, птицъ и людей. Какъ прекрасна вѣчно живая рѣка со своими дробными волнами, и облака надъ головою, вѣчно измѣнчивыя какъ мечты твои и планы жизни. Да, на грудь природы положу я голову мою на старости, и она будетъ ласкать меня, и послушаетъ повѣсть жизни беззлобно, и отвѣтитъ мнѣ словами взаимной любви, и не устанетъ отъ однообразнаго лепета моего, и отъ заунывныхъ пѣсенъ, не раздражится, не возревнуетъ и не прогонитъ меня тогда, когда я меньше всего ожидалъ этого. Прекрасная природа, всегда любившая меня, слезами моими орошу я грудь твою!

Бѣгите всѣ разочарованные въ жизни, всѣ неудачники, непризнанные обществомъ, тѣ, которымъ измѣнили люди, тѣ, которые сами не остались вѣрны первичнымъ мечтамъ своимъ, бѣгите всѣ, разбитые суровой жизнью на всѣхъ пунктахъ, бѣгите на лоно природы, къ матери вашей, съ великой жалобой. Она, мать жизни, послушаетъ васъ сочувственно

и терпѣливо, и въ ея рѣчахъ услышите вы исповѣдь неизмѣнной любви.

Тамъ, тамъ, на берегу рѣки, въ лѣсахъ дремучихъ найдете вы свое жилище, покинутое вами по недоразумѣнію, и въ шопотѣ лѣсовъ, и въ шумѣ ручья, въ голосахъ звѣрей и птицъ — совѣты услышите; опираясь на нихъ, какъ на вѣрный посохъ, дойдете вы до блаженного острова, гдѣ мирный духъ счастья и незлобія обитаетъ.

И вотъ я, Гарамортъ, успокоился. Что мнѣ теперь? У меня есть неизмѣнный другъ и собесѣдникъ дивный, всегда спокойно выслушивающій упрёки и пѣни мои, и ласково отвѣчающій на вопросы и на вздохи утомленной души. Живъ я буду всегда, и спокоенъ, и всѣ дни мои буду странствовать я по лицу земли, нетлѣнно-прекрасной.

Известковые берега вотъ теперь раскрыли моему взору свои богатства, и гляжу я, удивляясь, какъ стары эти глыбы извести, какъ древни эти каменные рукописи генія земли... Отчего бы не читать намъ всѣмъ эти рукописи, чтобы постичь еще непостигнутую поэму доподлиннаго бытія?

Какого періода эта бѣлая красивая известь, пермскаго или юрскаго, не вижу я отсюда окаменѣлостей, а то опредѣлилъ бы возрастъ нерукотворнаго пергамента Божія?

Бду я по Двинѣ синеглазой. Былъ внизу у мужиковъ. Игралъ имъ на гармоникѣ. Порою возвышенное чувствовали они въ моей игрѣ, порою печальное, и лишь иногда безшабашно-веселое.

Дѣвой звонкоголосой пѣла гармоника моя, за хорошія деньги купленная въ городѣ, а иногда выражала бурныя страсти, не вѣдающія утоленія.

Да, да. Нѣкогда пойду я по лицу земли, пропо-
вѣдую о Богѣ моемъ, о жизни на солнцѣ, о счастьѣ
на землѣ, что достигается въ жизни простой на лонѣ
природы, при соблюденіи законовъ труда и справед-
ливости.

Это въ минуты высокаго вдохновенія буду воз-
вѣщать я міру, въ часы же паденія духа, въ минуты
унынія заиграю на гармоникѣ и воспроизведу печаль-
ныя пѣсни народа.

Все это сдѣлаю я, пока же гляжу на берега
Двины. Однообразной полосой тянулись они, а волны
рѣки немолчно катились къ морю и неустанно нале-
тали на грудь парохода.

Желтые пески возбуждали мечты, а въ кустахъ
прибережной ивы снились мнѣ сирены, чѣмъ-то род-
нымъ вѣяли безпредѣльные лѣса.

То и дѣло пароходы встрѣчались намъ, то «Ло-
моносовъ», то «Петръ великій», и своими трубными
разговорами и привѣтствіями оживляли наше движе-
ніе. Вотъ и пристань «Черевково». Мужики и бабы
на берегу и «мелочная» лавка Рудакова.

Со мной ѣхалъ Кулаковъ, непремѣнный членъ
воинскаго присутствія и рассказывалъ мнѣ объ Эн-
гельгардтѣ, объ Архангельскихъ нравахъ, и смѣялся
я немало, слушая все это. Сѣверъ нашъ — страна
первобытнаго хаоса и отважныхъ, неудачныхъ начи-
наній. Всѣ мы неудачники, и между ними первый я,
грѣшный Гарамортъ.

И что всего хуже, въ Архангельскѣ и въ окре-
стностяхъ. — Это жизнь пристани и моря. Бѣда не-
удачливымъ, затопчутъ ихъ, а побѣдителямъ все про-
щается, но мало послѣднихъ.

На пароходѣ со мной ѣхалъ одинъ человѣкъ не-
богатый лѣсопромышленникъ, Косоглазовъ. Онъ доби-
рался до Тотьмы, гдѣ застряли его плоты. Въ соре-
внованіи въ игрѣ на гармоникѣ мы съ нимъ позна-
комились. И разговорились. Онъ угостилъ меня ухой
и подчивалъ водкой отъ послѣдней я отказался. Вы-
пивая рюмку за рюмкой, онъ становился все откρο-
веннѣе... «Я многихъ спустилъ въ трубу», говорилъ
онъ,—многіе стали нищими, благодаря меня, въ томъ
числѣ и зырянинъ Забоевъ... Не тягайся съ нами въ
лѣсномъ дѣлѣ... Я собаку съѣлъ на этомъ...

— Молодецъ, отвѣчалъ я ему.

А самъ хотѣлъ ли богатъ?

— Нѣтъ. Меня обидѣлъ хозяинъ, ради котораго
погубилъ я столько народу...

Подъѣзжая къ Устюгу, онъ спросилъ меня:
«любишь ты женщинъ».

— Нѣтъ, женщинъ не люблю я, я уважаю лишь
мужиковъ—сказочниковъ...

— Въ такомъ случаѣ ты для меня не товарищъ,
громко заявилъ Косоглазовъ, вызвавъ всеобщій смѣхъ
въ окружающихъ...

На этомъ мы съ нимъ разстались, не сойдясь
во вкусахъ.

Да, около лѣса на сѣверѣ много народу грѣютъ
свои руки, многіе и гибнутъ. Когда-нибудь расскажу
я печальную повѣсть подобныхъ героевъ.

XI.

Въ Устюгѣ.

Томлюсь я всюду и вездѣ въ одиночествѣ моемъ. Никто не любитъ меня такъ сильно, чтобы сгорѣлъ я въ пламени этой любви. Никто. Хотя вѣрю и знаю, что Богъ мой, невидимый взору, не оставитъ меня. Онъ держитъ меня за руку. Все же до сихъ поръ иду я внѣ большой, исторической дороги, иду проселочными путями съ посохомъ въ рукѣ, странствователь великій. Не всѣ счастливы въ жизни этой. Также внѣ большой дороги исторической оказался и городъ прекрасный, Устюгъ мой, гдѣ въ юные годы я наслаждался сладкимъ медомъ и вкуснымъ, пшеничнымъ рыбникомъ. Онъ стоитъ, этотъ городъ, внѣ линій желѣзныхъ дорогъ. Обидѣла его судьба, красавца сѣвера. Правда, духъ его ушелъ въ учебное дѣло: теперь открыты въ немъ разныя учебныя заведенія, все же чего то важнаго не хватаетъ для жизненнаго роста его.

Вчера я въ пышномъ, городскомъ саду его наслаждаясь прохлагою густыхъ вѣтвей березъ, думалъ объ этомъ.

А потомъ шелъ по берегу рѣки и любовался церквами его. «Вотъ соборъ пятиглавый предо мною, а тамъ дальше, какъ бѣлыя березы на опушкѣ лѣса, стоятъ рядами бѣлыя церкви вдоль рѣки. Еще дальше золотыя маковки отдаленной церкви блистаютъ отраженными лучами солнца.

Вдали, за рѣкой Югомъ желтый монастырь, древній, тамъ и городъ былъ построенъ въ устьѣ Юга. Направо за Сухоной опять церковь... Древнерусскій

прекрасный городъ! выразившій своими церквами великія идеи древней философіи, вознесшейся до религіи.

Да, а я дерзаю новыя науки и новую философію поднять до высоты новой эволюціонной религіи, и построить новый иконостасъ въ храмъ моемъ, гдѣ млечный путь будетъ аркой моей, а звѣзды рѣзьбами, голубь же любви наверху всего... Удастся ли это мнѣ, или нѣтъ, но дерзну я: терять нечего бѣдному, одинокому Гараморту.

Лекціи мои въ клубѣ сошли удачно. Устюжане снова слушали меня. Во время перерыва подходилъ ко мнѣ монахъ изъ Ульяновскаго монастыря, онъ сейчасъ живетъ у «владыки».

— Мы любимъ васъ, Гарамортъ, мы всѣ зыряне, и молимся Богу о васъ...

— Отчего не переводите вы ничего на зырянскій языкъ, отвѣтилъ ему я.

— Собираюсь, да все не знаю какъ начать... А если бы вы зашли къ «владыкѣ», о какъ онъ обрадовался бы.

Также былъ у меня въ номерѣ мой товарищъ по семинаріи И. Я. Львовъ. Я прочиталъ ему сказку «Дууръ-кури».

— Я испыталъ, слушая сказку, великое наслажденіе, ничего подобнаго не слыхалъ я раньше... Да, я на Гараморта возлагаю большія надежды, и дѣтямъ моимъ все читаю сказки Гараморта...

Милые друзья мои! Больно вы ласковы что-то со мною... Но самъ знаю я, ничего не напишу я, кромѣ поэмы жизни моей, а она къ концу идетъ. О чемъ еще расскажу я вамъ? Если бы встала изъ

могилы мать моя Устинья, и второй разъ родила меня, я снова написалъ бы вамъ чудную поэму жизни моей... Но это невозможно, духъ Устины, матери моей, улетѣлъ на иные міры... А я съ каждымъ днемъ старѣю, и невниманіе людей ко мнѣ (кромѣ двухъ-трехъ друзей) ускоряетъ мое шествіе къ могилѣ...

Но пока живъ, кое-что расскажу я вамъ на утѣшеніе и въ поученіе.

XII.

Изъ Устюга къ Котласу.

Прочитавъ лекціи въ Устюгѣ, я почувствовалъ, что исполненъ долгъ мой; поэтому рѣшился отправиться дальше. Я поѣхалъ къ Котласу, чтобы оттуда направиться въ Вятку, въ городъ, любимый мной. Снова съ парохода глядѣлъ я на берега Двины, красы сѣвера. За мѣстечкомъ «Красавина», берега пошли высокіе. Вскорѣ близъ Котласа увидали мы деревянный домикъ на красномъ берегу, и около домика рабочихъ съ лопатой.

— Здѣсь въ этомъ домикѣ хранятся всѣ находки геолога Амалицкаго, сказалъ мнѣ мой спутникъ, учитель семинаріи Ильинъ. Онъ въ 1901 г. нашелъ въ этомъ берегѣ въ слояхъ пермской эпохи большого допотопнаго ящера, и этимъ прославился. Раньше думали, что пермская эпоха «нѣмая», что нѣтъ въ ней большихъ ископаемыхъ, и вотъ Амалицкій опровергъ это. Черезъ десять лѣтъ, найдя средства, онъ опять пріѣхалъ сюда, и вотъ теперь продолжаетъ свои раскопки... Ящеръ былъ найденъ на днѣ допотопной рѣки, нѣкогда, въ пермскую эпоху, протекавшей въ высыхающее пермское море...

Направленіе этой рѣки подѣ прямымъ угломъ къ Сухонѣ. Теперь Амалицкій далѣе дѣлаетъ раскопки свои вдоль пермской рѣки, и находитъ все новыя любопытныя вещи... Самъ же онъ живетъ въ сосѣдней деревнѣ со своей женой и со студентами, которые помогаютъ ему...

Такъ рассказывалъ мнѣ Ильинъ, и душа всколыхнулась моя... Боже мой! Сколь велика природа, и какъ стара земля! Были рѣки раньше и не только высохли, русла ихъ покрыты слоями земли и камнями! Тоже случится нѣкогда съ нашими рѣками... Въ землѣ окажутся онѣ, богатая окаменѣlostями, между которыми найдутся и скелеты человѣка!

О чемъ волнуемся мы послѣ того, къ чему стремимся, ничтожныя существа, даже не знающія, что было на землѣ, что есть, и что будетъ...

А небо? Безвѣстная, великая загадка... И вотъ сидимъ мы близъ океана, дѣти маленькія, и любимъ разными игрушками въ этомъ мірѣ, ссоримся и деремся непрерывно. А океанъ Божій немолчно катитъ волны свои великія въ безбрежное царство возможности, и оттуда восходятъ новыя волны—вселенскія.

Гдѣ я, маленькій Гарамортъ, въ чьей горницѣ хожу я, и куда пойду дальше, въ какія новыя жилища, съ кѣмъ бесѣдовать буду я въ безконечномъ домѣ неизвѣстнаго хозяина?

Одно, одно вижу я: въ сказкѣ великой обитаю, превосходящей всѣ вымыслы человѣческіе!

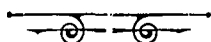
Списокъ книгъ того же автора.

1. Основы эволюціонной теоріи познанія (лимитизмъ). Ц. 1 р. 1912 г. въ коленкор. переплетѣ Ц. 1 р. 75 к.
2. Логика съ эволюціонной точки зрѣнія Ц. 1 р. 50 к. 1913 г. въ коленкор. съ золот. перепл. 2 р.
3. Теорія переменнаго и предѣла въ гносеологіи и теоріи познанія (распродано).
4. Принципъ эволюціи въ гносеологіи, метафизикѣ и морали. Ц. 25 к. 1907 г.
5. Понятіе предѣла въ математикѣ 1905 г. Ц. 25 к.
6. О преподаваніи этики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Ц. 5 к.
7. Критика монизма и методъ безконечно-малаго въ философіи.
8. На сѣверъ въ поискахъ за Памомъ Бурмортомъ. Ц. 1 р.
9. Очерки изъ жизни рабочихъ и крестьянъ на сѣвер. Ц. 40 коп. (распродано).
10. Изъ жизни и фантазіи. Ц. 50 коп.
11. Неганелла (Сказаніе о злѣ) Ц. 12 коп.
12. Атаманъ Тыпига.
13. Мудрый Памъ.
14. Царь Коръ.
15. Бѣгство сѣверныхъ боговъ.
16. У инвенскихъ пермяковъ.
17. Нялай (бытовой разсказъ).
18. У ксифодоновъ (изъ путешествій Гараморта) въ хвойныхъ лѣсахъ.

19. Разказы Комі-Морта. Ц. 40 коп.
20. Тогай (самоѣдское преданіе).
21. Изъ инвенскихъ былей.
22. На Шугорѣ (изъ жизни Печорскихъ старовѣровъ).
23. Сказка, золотая Сказка серебрянная.
24. Гулень на Небѣ.
25. Въ Хвойныхъ лѣсахъ. Ц. 40 к.
26. Подъ шумъ сѣвернаго вѣтра (разказы) 1913 г. Ц. 1 р. 25 к.
въ коленк. перепл. 1 р. 80 к.

Готовятся къ печати.

1. Гипотеза ея природа и роль въ наукѣ и философіи.
2. Жизнь и дѣятельность В. М. Тихобержскаго.
3. Еще шагъ (романъ).

Вышли изъ печати.

КАКЪ ЖИТЬ НА СВѢТѢ

Беседа Гараморта съ тѣнями древнихъ мудрецовъ

Спб. 1914 г. изд. И. К. БОРИСОВА. Ц. 10 коп.

Гарамортъ на крайнемъ Сѣверѣ.

Ц. 45 коп.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
Въ Архангельскѣ	3
Изъ Архангельска въ Мезень	15
Въ Мезени	24
Изъ Мезени въ Пинегу	33
На берегу Пинеги	40
Въ ожиданіи парохода	42
Въ г. Пинегу	44
Изъ Пинеги въ Архангельскѣ	45
Снова въ Архангельскѣ	47
Изъ Архангельска въ Устюгъ	50
Въ Устюгѣ	58
Изъ Устюга къ Котласу	60
Списокъ книгъ того же автора	62

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВЫЯ КНИГИ

того-же автора

1) Сквозь строй жизни

т. III ц. 1 р. 20 к., въ перепл. 1 р. 40 к., въ коленкоромомъ съ золотымъ тисненіемъ ц. 1 р. 50 к.

(Можетъ читаться самостоятельно безъ I и II тома. Содержаніе см. 2 стр. наст. книги).

2) Исповѣдь Гараморта ц. 5 к.

3) Какъ жить на свѣтѣ ц. 10 к.

Изданіе И. К. Борисова Спб.

